

СКОВОРОДА,

УКРАИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII ВѢКА.

(Матеріалы для исторіи южнорусской литературы)

«Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни».
Гоголь (Перетиска съ друзьями).

Всякій честный и благородный труженникъ мысли уже имѣетъ право на снѣданіе того общества, для котораго онъ работаетъ, потому что семья мысли не всегда многочисленная и счастливая семья.

(Отрывокъ изъ одной критики).

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды. — Слободская Украина до конца прошлаго вѣка. — Харьковское намѣстничество. — Этнографическія данныя изъ современной лѣтописи. — Видъ сель. — Харьковъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка. — Коллегіумъ. — Записки Тимковского: «Мое опредѣленіе въ службу.» — Общая страсть къ вину и универсалы противъ винокурения послѣдняго гетмана. — Состояніе украинскаго общества. — Остатки вольницы.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до-сихъ-поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давно-забытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возможно-полныя свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка, и сведены въ общемъ обзорѣ отдѣльныя, печатныя извѣстія о немъ. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, напримѣръ, Котляревскій и Нарѣжный, имѣютъ

чисто-народное, туземное значеніе. Ихъ можно понять и оцѣнить только въ соображеніи той почвы и того времени, гдѣ они явились и дѣйствовали. Тамъ, для своего времени, они имѣютъ значеніе. Сковорода же, какъ отчасти и Квитка, имѣютъ вѣсь, кромѣ украинской литературы, еще и въ развитіи украинскаго общества. Съ этой стороны мы попробовали представить очеркъ жизни и сочиненій Квитки ⁽¹⁾. Съ этой же стороны теперь напомнимъ читателю и лицо Сковороды, выразителя украинской умственной жизни прошлаго вѣка.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донинѣ въ рѣдкомъ уголкѣ родины его не воспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его. Мы полагаемъ, что библиографическій очеркъ сочиненій Сковороды и статей о его жизни, какъ матеріалъ для исторіи южно-русской литературы вообще, будетъ весьма полезенъ.

Сковорода былъ человѣкъ самобытный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, беспощадный въ протестахъ противъ тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій, и ненавидимый и гонимый всѣми, кому выгодно было царство мрака и всякой нравственной лжи. Несмотря на свой мистицизмъ и на свой семинарскій, топорный и, перѣдко, неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чистостойческой жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполне-народнымъ человѣкомъ во всей Украинѣ тогдашняго времени. Близорукіе хвалители его тогда восхищались, къ-сожалѣнію, и духовными умствованіями, для насъ не имѣющими ровно никакого значенія, и называли его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ кафедрахъ литературныхъ обществъ и въ избранныхъ кружкахъ Москвы, давно-дохнувшей вѣяніемъ всего, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей и уже подготовленная почва. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Ви-

⁽¹⁾ См. «Отечественныя Записки» 1853 года, № № XI и XII: «Основы-пенко». (Гр. Фед. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы. Тоже издано отдѣльно въ 1856 году, съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и рисункомъ В. Ф. Тимма — домикъ Основа.

дя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ кievскомъ духовномъ collegіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, Европу, и, воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куруней уединенныхъ пасикъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ одицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, велѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ, распѣваясь бродячими лириками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украинѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ учреждена *Слободская Украинская губернія*; губернскимъ городомъ ея назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціальные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести комиссарствъ; а козацкія полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ*; на пользующихся правомъ винокурения по 95 коп., а на лишенныхъ его—по 85 к. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободская Украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество*, которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна, еще недавно почти-дикая и малообитаемая, населялась и принимала наконецъ видъ благоустроеннаго общества. Пустынные, но плодородныя, земли новаго Харьковскаго Намѣстничества стали привлекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1634 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужскаго пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя ⁽¹⁾, въ Слободской Украинѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ

(1) См. историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, преосв. Филарета.

заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ «тогочной» задѣпровской Украины, убѣгая отъ притѣсненій Поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтами и пасичными угодами, лѣсами и прудами, съ пышными «сѣножатями», мельницами и винокурнями, — распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отъ важныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, «рыцарь праѣдовщины» считался уже многими наравнѣ съ татарами, явившимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховые пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Острияницы, попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія уже обзаводился «садомъ большимъ регулярнымъ» и другимъ «за оградой, садомъ винограднымъ».

Мы отыскали въ Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, любопытнѣйшую книгу того времени, подъ названіемъ: *«Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ»*. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія. 1788 года.» Въ этой книгѣ мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украины того времени, о правахъ ея, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще не утвердившемся, обществѣ. Съ одной стороны наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой — извращеніе властей, и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходивцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ о томъ времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ Украинцевъ той поры: «Се есть характеръ, или начертаніе, домоводства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь, между пахатнымъ полемъ, видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота — съ перваго взгляда влагаютъ намъ, Великороссіянамъ, догадку о скудо-

сти селенія и о небреженіи жильцовъ. Но, съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговья сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* наращаютъ пѣну къ имуществу жилища. Кладовыя каморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семь дѣлѣ для хозяевъ убыточна. (87—90 стр.) « — *Липовые покои* по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы» (65 стр.). — «Духъ европейской людскости, отчужденный азіатской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ; духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низринovenія и поползновения, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* прерываетъ стези *деспотизма и монополіи*» (90 стр.).

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: «Самой скудной человѣкъ безъ скрипицы свадьбы не играть.» — «Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства» — (1). Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разовариваютъ*. (92 — 93 стр.). Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украинѣ Харьковскій духовный Коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году Харьковскаго Университета. Въ названномъ нами «Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества» сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: «Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1788 г., — партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей — купцовъ, мѣщанъ, цѣховыхъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ Черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5,338 душъ.» — Далѣе: (128 стр. — 138 стр.) Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ, въ 1722 году, епархіальную се-

(1) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для Украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ — единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ застуды, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

минарію въ Бѣль-городѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ ⁽¹⁾. Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украинѣ. — Потомъ училищный домъ наименованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ. «— Императрица Анна Іоанновна, въ 1734 году, даровала жалованную грамоту, гдѣ »ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только пѣтиктѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ російскомъ языкѣ.» Въ заключеніе грамоты сказано: »Чего ради сею жалованною грамотою тотъ монастырь, и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ.» Выстъ съ этимъ повелѣнію всѣ книги покойнаго митрополита Муромскаго и Рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе бібліотеки Харьковскаго училища. »Въ ней книгъ разныхъ языковъ, въ томъ 1788 г., говоритъ авторъ, »болѣе 2,000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель.» — »Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣлицъ* дополнилъ Харьковское училище классами французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математическіе инструменты.» — »Но, замѣчаетъ авторъ (135 стр.), по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлоградской епархіи, классъ французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли.» — »Сіе оскудѣніе продолжалось до временъ Великія Екатерины.» — Въ 1765 г. снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каеодры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты бесплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и осталь-

⁽¹⁾ Примѣч. Подробная статья о Коллегіумѣ напечатана въ »Молодѣи» 1843 г., стр. 7—32, неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: »Основаніе Харьковскаго Коллегіума, нынѣшней Харьк. духовной Академіи.» О Харьковскомъ Коллегіумѣ помѣщена также статья въ Харьков. Губ. Вѣд. за 1833 г.

нымъ наукамъ даромъ. «Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки» (137 стр.).

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей козачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Ильѣ Федоровичу Тиликовскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ «Москвитянинѣ», 1852 года, № 17, подъ именемъ: «*Мое опредѣленіе въ службу*». Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: «Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ селѣ Деньгахъ, мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученіе мое, утомаясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу.» (4 стр.) «По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофій мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтлая блондинка. Та ходила за нами и учила насъ.» (5 стр.). Потомъ автора, когда онъ подростъ, отдають къ сельскому дьячку, осанистому пану Василю, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка «столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ писмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опалѣнныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не-слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а приученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ съдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разѣдали школьники, и разбивали горшокъ палками, на пустырь, издалека, въ мелкіе куски.

Отецъ угощаль дьяка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши» (8 стр.). Но вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще болѣе интересно въ «Панѣ Халявскомъ», «Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній описываетъ это очень живописно. «Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *киреи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; нѣкимъ эпетентамъ счастливоилось, что одно село разомъ ихъ обогатало; нѣные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадей, и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши — одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою, — поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацию*. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть «Блаженъ мужъ»; перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то.» — «Къ праздникамъ для своихъ поздравлений учитель готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *орации*.» (9 — 10 стр.) Ученикъ скоро могъ уже щегольнуть ученостію и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать «по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли.»

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощія и скудные плоды, — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскіе школы, и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы, типы которыхъ навсегда сдѣлались любезны намъ въ бурсакахъ «Вія» — въ богословѣ Халявѣ, философѣ Хомѣ Брутѣ и въ риторѣ Горобцѣ. Духовные высшіе Коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, «*laudes*», изъ которыхъ за

вины положена была такса учетовъ, такъ-что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій по словамъ Тимковского (стр. 22 — 23), изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ — нарисованный «мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукою»; на второй двери символъ пиштовъ и риторовъ — колодезь съ вѣртомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается;» и на третьей двери символъ философовъ и богослововъ — «большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца» Грамматики тогдашніе были порядочными «пнями невѣдѣнія», пииты и риторы мало черпали знаній изъ колодезя черствой, риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую изрѣдка попойками отъ распространявшагося болѣе и болѣе свободнаго винокурения. Г. Маркевичъ ⁽¹⁾, въ своей «Исторіи Малороссіи» (1842

(1) Отъ А. М. Лазаревского, владѣющаго спискомъ этого универсала, мы получили слѣдующую дополнительную записку. Выписываю здѣсь нѣсколько строкъ, именно изъ того универсала, о которомъ упоминаетъ г. Маркевичъ во 2-й т. своей исторіи:

«Его ясневельможности собственными примѣчаніями усмотрено, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великого до наименьшого хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природного, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ, что почти тотъ токмо вина не курить, кто мѣста на винокурню не имѣетъ; отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи раждающемуся столь великое повсягодное истребленіе бывае, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна». — Въ универсалѣ приводятся нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокурения, изъ которыхъ я выписываю два. «Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ его ясневельможности, яко многіе козаки его полку, не имѣя собственного своего доволнаго хлѣба, покупаютъ оной по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пянства; и лѣса свои вырубкою для винокурения пустошатъ такъ, что и для топленья въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень козаки, взимая у постороннихъ кучами и ведрами вино, вишенковуютъ убыточно и пянствомъ истощеваютъ страну.

«Хмѣловскій сотникъ, Шкляревичъ, доноситъ ясневельможности, что козаки его сотни отъ винокурения обнищали и къ службѣ козачей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на вино-

г., т. 2. стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: «Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій*) обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что Малороссіяне, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, пестребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ, и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и козаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса.» — Любопытны также слѣдующія строки г. Маркевича (стр. 651 — 2): «Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссіи *пикинерія* и *вербуники* (вербованія). Мельгуновъ ѣздилъ по Запдѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подаль мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ оставался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, шла до-нельзя, поила козаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу въ пикинера, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ козаки, потому что начальства не боятся и шанки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и «великіе опіаки» записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ.» Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворянство лѣнилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. «Похожденія Столбикова, «Квитки, въ этомъ отношеніи, не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденія которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго ошляхеченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши, — представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемого

куреніе пожгли, а послѣ у другихъ своей братіи покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пьянству и разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуды себя снабдить лошадьми и амуниціею къ службѣ козачей, принуждены, у можливіишихъ своей братіи занимая деньги, давать въ закладъ свои грунты и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны.»

Вслѣдствіе развитія винокуренія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, гетманъ Розумовскій принужденъ былъ ограничить его строгими положеніями.

снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или неожиданно-завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекешѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новыя мѣры и законы: въ краѣ наставленія ея принимались медленно. Дворянству указано служить въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись: тогда же учреждены Малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно рассказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): »Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболонскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ содѣстнымъ судьей. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ путемъ по льду, *въ лодкѣ.*» Въ разсказѣ Тимковского, появляется и образъ его отца — олицетвореніе тогдашняго времени: »Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленого стола.« — »Тогда и отецъ мой, говоритъ онъ, — отпра-
 вясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подобритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой. — «То-таки бывало выйде,» говорили межъ собой люди: «або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперъ — *абы-що: німець не німець, такъ собі підципанний!*» — И я помню, помню эту крѣпкую, вольную, героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ.... Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стриженнымъ въ кружокъ.« Новые носители камзоловъ и кося служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой и грабили. Имя комиссара равнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непопчатой край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ дателямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы

и своеволия. Паденіе Запорожя напустило на Украину цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣвали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ, и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ «кулачныхъ судій» на Украинѣ. Мы говоримъ объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похождения котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка «Братья-близнецы»; въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ статьѣ Одесскаго Вѣстника, 1859 года №№ 21 и 22: «Романтическіе типы старосвѣтской Украины. 1. Разбойникъ Гаркуша.»

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Сочиненія его, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были все произведенія, писанныя подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они не имѣютъ особеннаго значенія, кромѣ нѣкоторыхъ стихотворныхъ сатирическихъ пѣсень. Оставляя другимъ опредѣлить отношеніе Сковороды къ этой школѣ мистиковъ, еще мало объясненныхъ у насъ, обратимся къ Сковородѣ со стороны болѣе понятныхъ его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ своею жизнью, своими словами, совѣтами и характеромъ.

ГЛАВА II.

Жизнь Сковороды, по неизданнымъ запискамъ Ковалѣнскаго. — Его дѣтство. — Опредѣленіе въ Придворную Капеллу. — Капелла того времени. Выписки изъ архива, сдѣланныя В. В. Стасовымъ. — Въѣздъ Елисаветы въ Кіевъ и «божественный фазтонъ» семинаристовъ. — Сковорода ускользаетъ за границу. — Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію. — Уроки у помѣщика Тамары. — Москва и «Титъ Ливій». — Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ, Захаржевскихъ и другихъ помѣщиковъ. — Странствованія и первыя сочиненія, послѣ ссоры съ Коллегіумомъ. — Музыкальныя стремленія. — Предложеніе Екатерины II. — Другіе анекдоты о Сковородѣ. — Начало извѣстности.

Сообщаемъ жизнеописаніе Сковороды по неизданнымъ до-сихъ-поръ запискамъ Ковалѣнскаго, въ списокъ, полученномъ нами отъ М. II.

Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго находилась у г. Асоченскаго въ Кіевѣ и передана имъ М. П. Погдину. Подробный же хронологическій списокъ статей о Сковородѣ, появившихся съ 1806 года, съ «Сіонскаго Вѣстника», сообщаемъ въ концѣ нашего труда, подъ общимъ библиографическимъ обзоромъ. Все жизнеописаніе Сковороды, такимъ образомъ, — скажемъ, чтобъ не повторять указаній, — построено нами на подлинномъ разсказѣ и собственными словами Ковалѣнскаго, (у котораго до насъ взялъ только нѣкоторыя черты г. Сильгиревъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1823 года), а недостающее въ его *«Житіи Григорія Савича Сковороды»* пополняемъ другими позднѣйшими замѣтками о Сковородѣ. Въ числѣ послѣднихъ мы должны отдать преимущество статьямъ И. И. Срезневскаго, а за нимъ — воспоминаніямъ Ивана Вернета и Гессъ-де-Кальве.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

«Григорій Савичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевского Наѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 г. ⁽¹⁾. Родители его были простолюдины: отецъ — козакъ, мать — козачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околodкѣ.

«Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснейю его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брѣгоша безбожнаго вельнїя» ⁽²⁾.

«По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ Кіевскую Академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Митрополитъ Кіевскій, Самуиль Миславскій, человекъ

⁽¹⁾ Гессъ-де-Кальве («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г.) не вѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ Харьковской губерніи и что отецъ его былъ бѣдный священникъ. Ковалѣнскій зналъ Сковороду короче, и потому нельзя не отдать ему, въ этомъ случаѣ, предпочтенія передъ другими біографами. Такъ и И. И. Срезневскій неточно сказалъ («Утренняя Звѣзда» 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 г.

⁽²⁾ Г. Сильгиревъ («Отеч. Зап.» 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ еще «отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично», прибавляетъ: «Сперва игралъ онъ самоучкой на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рошамъ и лѣсамъ, или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголку и на память повторялъ читавше имъ или слышанное.» (стр. 97).

остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его.

«Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ.» Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго, прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд., 1855 г. № 42): «Въ Кіевской Академіи юный приплецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *держера пѣвческой капелли*, и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелли. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ» ⁽¹⁾.

В. В. Стасовъ доставилъ намъ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ «*Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи*». Мы просмотрѣли эти драгоценныя извлеченія, и вотъ нѣкоторыя, неизвѣстныя еще, данныя изъ исторіи придворной капеллы временъ императрицы Елисаветы, помѣщаемыя нами съ разрѣшенія В. В. Стасова. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя *Алексѣя Михайловича*, постоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: «вновь привезеннымъ ко двору изъ *Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье.» Императрица Елисавета, по извѣстной набожности своей и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гавриль Головня, и другія, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста, откуда изъ Украіны брались пѣвчіе, слѣдующія. Въ указѣ 1784 года, октября 16-го, сказано: «*дисканты*: города Лохвицы, войскового товарища, Максима Афонасьева, сынъ, 6 лѣтъ; г. Кролевца, войскового товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка сынъ 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго еуды сынъ; Роменскаго козака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ;

⁽¹⁾ Къ статьѣ г. Аскоченскаго мы болѣе не будемъ обращаться, имѣя подъ рукою подлинникъ — статью Ковалѣнскаго. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что въ трудъ его вкрались нѣкоторыя ошибки: такъ, на стр. 279-й, онъ смѣшиваетъ Ковалѣнскаго съ Ковалевскимъ.

Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерова, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, козака Галайницкаго сынъ 8 лѣтъ. *Алты*: Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовецъ, священника Тройницкаго сынъ 7 лѣтъ; Знобевскаго жителя Стожка сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго значковаго товарища, Горлича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предѣлатель, бунчуковый товарищ Рачинскій.

При отставкѣ, за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, подъ 1734 годомъ, читаемъ: «Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ Малую Россію, и дать имъ абшты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова». При капеллѣ они получали столько же: «а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на гошпиталь». Иногда давалась и особая вишняя порція: «Пѣвчому Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ» (1731 года, собственная подпись: *Елисавета*). Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простаго званія. Подъ 1746 годомъ стоитъ: «Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жалованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить». — Нарядъ носили такой: «1741 г., декабря 15-го: Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно, нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленого сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленого сукна, полукафтаны изъ шелковой матеріи, пунсовые или алыя.» — Подъ 1745 г. *февраля 14*, читаемъ: «Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждого рубахъ и порты по пяти паръ, полотенецъ по три, изъ средняго полотна; сапоговъ, и башмаковъ и чулковъ по двѣ пары, шапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ роспискою.» — Подъ 1747 г., февраля 18-го, стоитъ: «Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбитъ стамедомъ, или камлотомъ, и пуговицы гарусныя». Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того, что на росписи 1748 г., *марта 29*, она собственною рукою приписала: «Четверымъ на верхніе кафтаны широкаго позументу положить и взять у Дмитрея Александровича». (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1749 года, января 5-го повелѣно: «Во время службы, ежели кто

какого бы чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бывають въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя.» Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, принять былъ «французской націи учитель Жанъ Ришардъ». Что касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть-можетъ, отъ того, что пѣвчихъ звали только по имени, обращая отчества въ фамиліи. Въ указѣ 1740 г., января 8-го, при выдачѣ наградъ «за славленіе и поздравленіе въ Рождество» въ числѣ другихъ стоитъ «робятамъ» такимъ-то: «Каленику, Екиму, Павлу и Григорью по 6 рублей каждому.» Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей, тутъ-же названъ еще «Григорій Синовоеичъ» (не Савичъ ли?) Въ указѣ же 1741 г., декабря 21, стоитъ: «Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Иларіана, реестръ.» Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ «Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» И. И. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда» 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: «Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни Иже Херувимы, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украинѣ.» Къ этимъ словамъ г. Срезневскаго тутъ же (на стр. 76—77) сдѣлано примѣчаніе Г. Θ. Квитки: «Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: «Христосъ воскресъ» и канонъ Пасхи: «Воскресенія день», нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи. вмѣсто прежняго унылаго, прмолойнаго напѣва, и вездѣ имѣнуемый: *Сковородинъ*». Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но, къ-сожалѣнію, тутъ есть неточности. Всѣ изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые

благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли вполне подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни «Иже Херувимы», которая введена въ Россіи; и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданной подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти, нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо «Сковородинымъ» то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, воротившись изъ Петербурга, училъ желающихъ напѣвамъ придворнымъ, напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранялись въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ Петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: «живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ, собраніяхъ Кіевского духовенства, любящаго завѣтную старину.»

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыханно-привольное житіе. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко двору за голоса, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, савиный видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при дворѣ не долго, около двухъ или трехъ лѣтъ.

Императрица, продолжаетъ Ковалѣнскій, скоро предприняла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими.

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1846 года ⁽¹⁾, (августа 23, въ неофіціальной части, стр. 327 — 328) мы нашли статью: «О по-

⁽¹⁾ Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Малороссіи помѣщены въ Черниговскихъ Губерн. Вѣдом. 1852 г. № 29 и 43 (Разсказъ современника, изъ дневника подскарбія Андрея Марковича).

спіщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіево», гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: «Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы; раздавала дары свяществу и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія (¹). Войска были одѣты на-ново, въ синихъ черкесахъ, съ вылетами. и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ Кіевской Академіи были выписаны вертепы; пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названнѣй «фаэтонъ божественный» на двухъ коняхъ крылатыхъ, которые студенты называли пегасами и которые были ничто иное, какъ пара студентовъ. Этотъ старикъ представлялъ Кіевского князя Владимира Великаго; на концѣ моста встрѣтилъ онъ государиню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ Кіевскимъ, ее своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство.»

При возвратномъ отбытіи двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣвскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе (²).

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: «Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражнялся притомъ въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго впрочемъ преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возрасла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевского архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ го-

(¹) Въ «Запискахъ о слободскихъ полкахъ» съ начала ихъ поселенія до 1766 года, (Харьковъ) 1812 г. на стр. 60-й, при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится: «При этомъ бригадиръ Лесевскій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковского отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас. Ковалевскій». Оба послѣднія лица впоследствии играли роль въ жизни Сковороды.

(²) Этотъ чинъ давался обыкновенно вѣсьмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ заповѣду въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавою (Со словъ П. Е. Бѣликова).

лось, сталъ заикаться. Почему обману́тый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ - угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода: будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя впрочемъ онъ совсѣмъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ приобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ.» («Украинскій Вѣстникъ» 1847 г.)

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣвскій. показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

Отъ Двора отпавленъ былъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генераль-майоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки, и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ приобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ.

Гессъ-де-Кальве (стр. 108—110), знавшій также коротко Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: «Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т. е. пѣшій и съ крайне-тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его сткрылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Триумфальныя врата Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположныя нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитають разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается пода-

яніемъ; какъ развратъ иѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ.» Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ; но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разказами самого Сквороды. Далѣе онъ говоритъ: «Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Скворода желалъ непременно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ, тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросали длинные тѣни.» Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!« Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока наконецъ поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца. — Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой странническій посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ.» (110—112 стр.) ⁽¹⁾.

Но еще до посѣщенія Харькова, Скворода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣвскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также невелико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды, съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго ⁽²⁾.

⁽¹⁾ О мѣстѣ родины Сквороды, селѣ *Чернухахъ*, мы нашли въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, 1853 г. № 4. свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговое мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: «Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ 4 ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ, Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами—а изъ околлицъ съ хлѣбомъ, лошадами и цитейными припасами.»

⁽²⁾ По словомъ О. М. Б—го, въ Переяславлѣ существуетъ преданіе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сквороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Левада, оба не менѣе Сквороды богатые разнообразными приключеніями

Сковорода, имѣя уже обширныя по тогдашнему времени познанія, написалъ для училища «Руководство о поэзіи» въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить его, и преподавать предметъ по-старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямба Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ послушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: «Alia res sceptrum, alia plectrum.» (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль). Епископъ, на докладъ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: «Не живяше по средѣ дому моего творяй гордыню.» Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ училища переславскаго.

Бѣдность крайне его стѣсняла; но нелюбостыжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ его бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черныя гарусныя чулки. Нужда сѣяла въ сердцѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствіи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссійскій помѣщикъ Степанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскій останавливается со Сковородою нѣсколько долѣ. Старикъ Тамара отъ природы былъ большаго ума, а на службѣ пріобрѣлъ хорошія познанія отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предрассудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодого человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣніями. Воспитаникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе; но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ своимъ воспитаникомъ. Тяжело было такое униженіе; но Сковорода желалъ выдержать условіе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непріятность. Какъ-то разговаривалъ онъ съ ученикомъ своимъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значить, онъ мыслить, «какъ свиная голова!» Слуги подхватили слово, передали его

барышѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести «за родовитаго шляхетскаго сына», названнаго свиною головою, отказалъ Сквородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньи однако онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: «Прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!»

И вотъ за «свиную голову» Скворода опять остался безъ мѣста, безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды, — заключаетъ Ковалѣвскій.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ пріятелю своему, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи. Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человекъ, бывшій въ послѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кирилъ сталъ уговаривать Сквороду, знакомаго уже ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Скворода возвратился снова въ Переяславль, «оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла» ⁽¹⁾. Скворода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашнего угла.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Скворода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

Поселясь въ деревнѣ и обезпечив свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удаляясь въ поля, рощи и аллеи сада. «Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣд-

(1) Вѣроятно, къ этому времени относится черта сохранныя въ статьѣ г. Снегирева: «О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія». (Ученыя записки И. Моск. Университета 1833 г. ч. 1. стр. 694—3). Вотъ слова г. Снегирева: «Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подлѣ № 292, въ 4 большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV тома надписано: Переведена з латинскаго діалекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернігговскаго, року 1716. — На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано рукою Григорія Сквороды, извѣстнаго подлѣ именемъ украинскаго философа: »рчу году, мѣсяца Маи, въ ед. день, купилъ Скворода, далъ восемь алтынь.«

никами. « Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него «Записокъ» Сковороды. Изъ выдержки этой видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значить, со времени его петербургской жизни прошло уже четырнадцать лѣтъ, и онъ вступалъ въ тридцать шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

«Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говорить Сковорода, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіеся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатые постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицѣ, съ скляницами въ рукахъ, шума, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ.» Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое съ «кошелькомъ таскается» всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, «имѣющую голыя колѣна и убогія сандаліи.» Сковорода кончаетъ словами: «Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ.»

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: «Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова (1)!»

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю перейти въ другой кругъ; Сковорода также вступилъ на новое поприще. Въ Бѣлгородъ прибылъ епископъ Іосафъ Миткевичъ. Онъ вызвалъ изъ Переяслава друга своего, игумена Гервасія Якубовича. Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ къ себѣ бывшаго учителя Тамары и доставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1759 году (2).

Отрадно остановиться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ему на-время улыбнулась. Онъ явился уже въ простомъ, но въ приличномъ, нарядѣ. Чудакомъ начинаетъ въ немъ пробиваться по-поводу пищи, которую онъ

(1) Эти стихи написаны на тему: «Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ», и помѣщены въ рукописномъ сборникѣ «Садъ пѣсней» подъ № 2.

(2) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи; а префектомъ—*Лаврентій Кордетъ*, игуменъ. (См. статью о коллегіумѣ «Молодика» 1843 г. стр. 30).

принимаетъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и ѣсть только овощи, плоды и молочныя блюда, не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спять въ сутки только четыре часа. Встаётъ до зари и пѣшкомъ отправляется за городъ гулять, какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, передъ всѣми «веселъ бодръ, подвиженъ, воздерженъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій правоученіе и почителенъ». Годъ прошелъ, и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу, отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе при училищѣ, поручилъ Гervasію уговаривать его, какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гervasій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гervasія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ «напутственнаго благословенія». Гervasій понялъ его намѣреніе и благословилъ его скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому пріятелю своему, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными «удольями», по словамъ Ковалѣнскаго «благопріятствующими глубокому уединенію.» Здѣсь Сковорода принялся изучать себя, и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гervasій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынничество Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, слышавъ о его нравѣ, съѣзжались съ нимъ знакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и между прочимъ вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. «Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.» Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, «Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.»

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ Харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго знакомаго своего, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, за-

нялся съ новымъ другомъ своимъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ; словомъ невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными, школьными риторами, и частію монахами, съ жадностію сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастье состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ веселіи. Сковорода говорилъ, что счастье—ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга. Въ добавокъ къ этому словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіанна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предприимавъ перевоспитать ученика своего совершенно, Сковорода почти ежедневно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ приучить его мыслить и писать. Вскорѣ, именно въ 1763 году, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ «Поденныхъ Записокъ», онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную: Ананія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. «Поутру, говоритъ онъ, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: Молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды.» Три отрока, говорилъ ему Сковорода, это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся злему духу міра, не сгарающіе отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы со своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до кончины своей, потому что послѣдній не рѣшался ему рассказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ ученикомъ своимъ, раздѣляя человѣка на двое, на внутренняго и виѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. «Такимъ образомъ, часто, — говоритъ ученикъ, — видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе Ека-

терины II, бывшее въ гостинной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!»

Въ бесѣдахъ своихъ приглашалъ онъ ученика, въ поздніе лѣтніе вечера, за городъ, и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. »Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣвскій, онъ шѣлъ тамъ что-либо, приличное благодуществу; иногда же, удалясь въ близъ-лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку«. Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году, Ковалѣвскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ; и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности; а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. »Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ, замѣчаетъ Ковалѣвскій, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: »полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешь столпъ и украшеніе обители!« — »Ахъ, возразилъ въ горячности Сковорода:—довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!« Черезъ нѣсколько дней Ковалѣвскій возвратился домой; а Сковорода остался погостить у родственника своего, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украину онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. »Онъ обыкновенно, замѣчаетъ ученикъ его, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину тѣткою, по жительству въ ней и по любви къ ней.«

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ-особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много слышалъ о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ намъ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостиннаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъютанта. »Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!«—»Какое превосходительство?«—»Господинъ губернаторъ!« — »Скажите ему, что мы незнакомы!«—Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. »Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*«—»А! отвѣтилъ Сковорода:—объ этомъ слыхалъ; говорить, доб-

рый человекъ и музыкантъ!» И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣвскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. «Честной человекъ, для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?» спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства. «Милостивый государь, отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры, похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простаго, безмечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ.» — «Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отвѣда его особенно изъ круга: — можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе... мѣшаютъ—хотѣлъ онъ сказать. «Еслибы я почувствовалъ, перебилъ Сковорода, сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!»...

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положи нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихирны, пѣваемые на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣвскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ акроматическому роду музыки. «Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттрверсѣ, бандурѣ и гусляхъ.» По словамъ г. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда», 1834 г., к. I, 76—77 стр.), «онъ началъ музыкальное поприще, въ домѣ отца своего, *сопилкою*, свирѣлю. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рошу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, старичковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ *primo*, и за слабостію голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною спутницей его; перехо-

дя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или шѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи.»

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки, подъ именемъ, «прибавочныхъ классовъ» Между прочимъ, благородному юношеству назначено было преподавать правила благонравія. Начальство для этого избрало Сковороду, которому было уже сорокъ четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ, написалъ онъ тогда извѣстное сочиненіе свое: *«Начальная дверь къ христіанскому добронравію, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи»* ⁽¹⁾. Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣвскій, отдали Сковородѣ полную справедливость. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ статьѣ своей «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» («Утренняя Звѣзда» кн. I, стр. 71—73) сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Возвратившись изъ-за границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человечества, любящій все доброе и честное, и ненавидѣвшій ложъ и невѣжество. «Бѣдный странникъ, говоритъ г. Срезневскій, въ рубищѣ, явился онъ въ Харьковъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи.» Въ предварительной лекціи, по полученіи каведры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторыя мысли свои, и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей «И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ. Выписываю оное слово въ слово: «Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбѣется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!» Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе^е оныхъ,

⁽¹⁾ Напечатана вполнѣ въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» Феопемпта Мисаилова, 1806 г. ч. III, стр. 156—179, — и въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 г. кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ П. И. Срезневскаго, стр. 72—74. Начало этого сочиненія, подъ именемъ *«Преддверія Сковороды»* напечатано еще въ «Москвитянинѣ» 1842 г. ч. I, стр. 117—119, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

отдалъ рукопись, и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали ее. Но, какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны; все истолковано въ смыслѣ превратномъ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.»

Ковалѣвскій продолжаетъ разсказъ. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это помѣстье Земборскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго устроена тогда была пасика, съ хижиною пчельника. На этой пасикѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселился Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе: *«Наркизъ, познай себя»*; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же написалъ онъ разсужденіе: *«Книга Асханъ, о познаніи себя»* (1). Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣвскій, онъ писалъ только «малыя отрывочныя сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ.» «Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не пьетъ любви къ ближнему; а потому и называли его манихейцемъ, мизантропомъ, челоуѣконенавистникомъ. «Сковорода, узнавши объ этомъ, явился въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. «Было время, говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣвскаго, когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?» И стрѣлы его противъ «оглагольниковъ его» сыпались безъ числа. Слушавшіе его

(1) Первая не напечатана. Второй мы также нигдѣ не нашли въ печати. Но въ списокъ сочиненій Сковороды, преданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Инокентія, сказано: «Асханъ, о познаніи себя» напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это, вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: *«Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя»*, о которой мы скажемъ ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ Изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣвскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ которыхъ приглашалъ Сквороду раздѣлить его жилище и дружбу. Скворода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто и хозяевъ, и поселился у нихъ, по обычаю своему, на насікѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. «Многіе говорятъ, писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣвскому:—что дѣлаетъ въ жизни Скворода, чѣмъ забавляется?—Я радуюсь; а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!» Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Скворода, между тѣмъ, въ 1770 году, съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у родственника своего Іустина, въ Китаевской Пустыни, близъ Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. «Но вдругъ,» по словамъ Ковалѣвскаго, примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Харькова. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Скворода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украину. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подоль—нижній Кіевъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у пріятеля своего, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получаетъ извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и что городъ уже запертъ. «Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ любимымъ своимъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣвскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Скворода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Скворода*, а иногда *Даніилъ Мейнгардъ*.

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣвскій поѣхалъ въ чужіе края, и объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ, сошелся онъ съ Даніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до-того похожъ на Сквороду—образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣвскому Мейнгардъ при-

шелся поэтому еще болѣе по сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библіотекою, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребываніе въ Швейцаріи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ чужихъ краевъ, Ковалѣвскій передалъ о своей встрѣчѣ Сквородѣ. И послѣдній до-того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться, въ письмахъ и въ сочиненіяхъ своихъ: *Григорій Варсава* (по еврейски: варъ - сынъ Савы) и *Даніилъ Мейтاردъ*. Это были его рода псевдонимы.

Въ 1775 году Сквородѣ было уже пятьдесятъ три года; а онъ по прежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и неспособъ. Съ этого времени жизнь его уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій иѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями.

Здѣсь рассказъ Ковалѣвскаго мы прервемъ воспоминаніями другихъ лицъ, писавшихъ о Сквородѣ. Кавалѣвскій говоритъ: «И добрая и худая слава распространилась о немъ по всей Украинѣ. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, и все хотѣли видѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе, по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку.» ⁽¹⁾

(1) Въ объясненіе словъ Ковалѣвскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернега, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскій* доставилъ намъ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующія замѣтки своего отца: «Другъ Сквороды, Алексѣй Юрьевичъ Сошальскій жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. О. Земборскій. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера, и будучи бездѣтенъ, все имѣніе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопля, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопля были причиною того, что имѣніе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это — то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т. е. хуторъ Селище, близъ лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самого Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданіе, въ три этажа. Верхній, по имени лѣтнякъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сквороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгій—мой дѣдъ. Первый жилъ также въ *Гусинкѣ*, а второй въ *Маначиновкѣ*. Недалеко отъ *Гусинки* есть лѣсъ. Тамъ, въ то время, была хижина и пасика, гдѣ Скворода проживалъ, иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось *Скрынники* и получило имя «Скрынницкой пустыни». Друзья ходили отсюда въ церковь въ *Гусинку*, гдѣ и теперь въ

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой портѣ («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., IV кн., 112—113): «Въ крайней бѣдности переходилъ Скворода по Украинѣ, изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла старая свита; пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ.—Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда начевалъ лѣтомъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ, бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту, и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во всякое время года, на видаль его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части жилъ онъ въ Купинскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасичника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ.»

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ («Утренняя Звѣзда» 1834 г. кн. I, стр. 75): «Уваженіе къ Сквородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: «дайте нищему!» и самъ довольствовался только сѣрою свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать, или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журналемъ и флейтой* ⁽¹⁾. Ито и другое было собственнаго его рукотѣла»—

алтарь хранится зеркало Сквороды, взятое по смерти его изъ домика Скрыницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе. Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украину. Воякъ матери найденъ былъ живымъ ребенокъ, сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впоследствии взятый въ казну, пожертвовалъ на Курятскій монастырь, близъ Харькова, и намъ пошелъ въ монахи.»

(1) По словамъ Хижеду, въ статьѣ «Три пѣсни Сквороды»,—пѣсни Сквороды малороссійскіе сѣпцы поютъ подъ именемъ «Сквородинскихъ веснянокъ.»

Въ тѣхъ же «запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): «Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, росшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрузѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала добрый, игривый, онъ мало по малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ бездну мистицизма. Притомъ, вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики, или квіетисты, разыгрывались тогда повсюду, въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всеѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Сковорода могъ по-справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естество испытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма — самая разительная черта его характера. — Вотъ-что говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: «что жизнь? *То сонъ Турка, упоеннаго опиумомъ, — сонъ страшный*: и голова болитъ отъ него, сердцестынетъ! *Что жизнь? То странствіе*. Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда итти, зачѣмъ итти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами — а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но — бодрствуй!» ... — Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ самъ-собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ.» (74—75 стр.) Сказавъ, что «Сковорода вообще отличался особенною умѣренностію, какъ въ пищѣ, такъ и въ питіи, онъ былъ настоящій психикъ, и «по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ» — г. Срезневскій старается защитить Сковороду (стр. 80—81) противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей «Украинскаго Вѣстника», гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ Вѣстника. Письмо писано къ Харьковскому куп-

цу Урюпину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ кониѣ посланія »старець Григорій Варсава Сковорода« выражается такъ: »Пришли-те мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью некстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего елени, тогда, когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно!—*Бочоночки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу.« Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ »Утренней Звѣзды«, сдѣлалъ (на стр. 80—81) примѣчаніе Квитка—Основьяненко, подписавшись буквами: *Г. О. К—а*. Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: »хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ, существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошескихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ.«

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде, нежели мы перейдемъ къ дальнѣйшему развитію разсказа Ковалѣнскаго.

»Въ Московскомъ Наблюдателѣ« 1836 г. ч. VI (стр. 205—238, 435—468 и 724—736), г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть »*Майоръ майоръ*«, гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій, авторъ берегаетъ любопытныя черты, взятая имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. После того, какъ Сковорода »съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка греко-россійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ, бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію, странствовалъ потомъ по Украинѣ и *въ 1765 году зашелъ въ наши Валковскіе хутора*«. Значить, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близъ пастки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, прозвище »Майоръ« носившимъ часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочка Майора и Сковорода влюбляются другъ въ друга, Сковорода, по словамъ другихъ біографовъ, »вовсе несклонный къ женскому полу,« увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ подъ вѣ-

нецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, берегаеъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ — и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца.... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ другу своему, Ковалѣнскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности; только въ его разсказѣ этого мы не нашли.

Продолжаемъ записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, Воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у него въ деревнѣ, и написалъ тутъ сочиненіе: «Икона Алквивіадская⁽¹⁾». Потомъ онъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстье отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, вселѣ Бабахъ въ монастыряхъ старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сенинскомъ, у друга своего, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близъ Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковалевскаго*, гдѣ потомъ и скончался. «Иногда жилъ онъ у кого-либо, замиѣчаетъ Ковалѣнскій, совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ; но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла. « — « Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги. — Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша объ немъ, желалъ видѣть его». Губернаторъ, съ перваго же знакомства, спросилъ, о чемъ учить его любимая книга, «книга изъ книгъ», священная Библия? Сковорода отвѣтилъ: «Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя, какъ звѣрей ловить; модныя, какъ наряжаться; а она учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце!» Тутъ онъ толковалъ и спорилъ съ учеными; говорилъ о философіи. И во всѣхъ рѣчахъ его была одна заветная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благодѣтельству сердца и «къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего». Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку къ Сошальскимъ, въ «любимое свое пустынно-

(1) По случаю жизни Сковороды въ Воронежской губерніи, уцѣлѣло нѣсколько строкъ, въ «*Москвитянинѣ*», 1849 г. XXIV ч. 68 стр., III отдѣлъ, подъ именемъ: «*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III, въ Острогжскѣ*». Подпись: «Сообщено Н. Б. Багалинымъ изъ Воронежа». Извѣстіе это начинается словами: «Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогжскѣ». Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ, между прочимъ въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: «Почему не ходите никогда въ церковь?» — «Если вамъ угодно, я завтра же пойду!» — И онъ кротко повиновался желанію епископа.

жительность». Онъ былъ счастливъ по-своему, и повторялъ заветную поговорку свою: *«благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!»* — Усталый, говорить Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасикѣ, «бралъ съ собою въ сотоварищество любимого пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою вечерю». «Можно жизнь его было назвать жизнію; не таково было тогда состояніе друга его!» — заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Скородою и, увлеченный вихремъ свѣта и столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго учителя своего ⁽¹⁾. Здѣсь и мы на время разстанемся съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополнимъ его слова изъ другихъ источниковъ о Скородѣ, именно нѣсколькими анекдотами о странствующемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г. кн. IV стр., 113 — 125) сохранили о Скородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: «Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Скороды, приведу два случая. — При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г. ** умный и ученый человекъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по французски), хотѣлъ однажды осмѣять его. «Жаль! говорилъ онъ, — что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ дѣли и пользы для отечества!» — Ваша правда! отвѣчалъ философъ: я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ никакой пользы; но надобно сказать, и никакого вреда! Но вы, сударь, однимъ безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человекъ безъ вѣры есть ядовитое наѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего

⁽¹⁾ *Примѣч.* По словамъ Ѳ. Н. Гливики, Екатерина II знала о Скородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, черезъ Потемкина, послала ему приглашеніе, изъ Украины переселиться въ столицу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Скороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близь которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Скороду, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины....

*Милъ моя свирѣль и овца,
Дороже царскаго вѣнца!»*

бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свисаетъ и притомъ никого не колетъ! « Г. ** проглотилъ пилюлю; однако она не подѣйствовала: онъ остался какъ и былъ, и былъ безбожникомъ до послѣдняго издыханія ». — « Другой анекдотъ, говоритъ Гессъ-де-Кальве, показываетъ скромность Сковороды. — Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человекомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги. — Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ковкій, воспитаникъ Сковороды. (Это вѣроятно братъ Ковалѣвскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, промѣшкалъ болѣе года. Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдства, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралася единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты и къ общей досадѣ никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кабиткѣ, пока въ домѣ стало тихо ». Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: « Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій: «Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай ». — «Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ ». — «Рыба начинается отъ головы портиться ».

Нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе. « Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, П. О. Пискуновскаго, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Савича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своеправіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его — *magister dixit* — затмѣвали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ*. Истина, въ устахъ его не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго. Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ Малороссіяня и Нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія

и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красоты русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, что онъ меня называлъ *мужчиною съ бабьими умами*, и *дамскимъ секретаремъ*, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титулы. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго; и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ. («Украин. Вѣстн.» 1817 г. к. IV, стр. 121 — 125). Модное нѣкогда, какъ впоследствии—разочарованность, «чувствительное сердце» Ивана Вернета, заставило его сказать въ концѣ отъ души: «Я нарочно ѣздылъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, Богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бранные останки незабвеннаго Сковороды. Ив. Вернетъ. *Софійское, Валковского уѣзда. Въ мартъ 1817 года.*»

Г. Срезневскій сохраняетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ («Утренняя Звѣзда» 1834 г. к. I, стр. 77 — 79): «Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности; а если и измѣнялъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго*, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики рассказы и нравоученія старца, который выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу рассказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: «Лотова жена,» сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ

дверь съ шумомъ растворяется, половинки хлопають, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно. — «Итакъ, восклицаетъ Х—ъ, я наконецъ достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соотечественника моего, Григорія Савича Сковороду! Позвольте... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лицо его; черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями; самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: *«позвольте! тоже позвольте!»* — и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; просить, умоляетъ — нѣтъ. «Съ меня смѣются!» говоритъ Сковорода, и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а.»

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго «*Майоръ, майоръ*» («Московскій Наблюдатель» 1836 г. VI ч.), гдѣ онъ сохранилъ, по рассказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. «Сухой, блѣдный, длинный» говоритъ онъ, (на стр. 206-й), «губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глушостью вищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная.» Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые «бандуристами» и «слѣпцами», подхватывали его стихи и духовные канты, и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ «псалмами.»

ОРЕСТЪ ХАЛЯВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РІДНЕ СЛОВО.

Тіхо, тіхо наші прѣдки
Въ полі спочивають;
Тільки чорніі могили
Зъ вітромъ розмовляють.

Спочивають — дожидають
Праведного сѹду,
Що судити рідне слово
Україну буде.

Не сховаєтця відъ него
Й багатий въ палаті,
Обізвѣтця Бѹжа правда
У безвѣрхій хаті.

Бѹжа правдо — рідне слово!
Мовъ малá дитина,
Починає промовляти
Тебѣ Україна.

Промовляє — оживає
Прибітий морозомъ
Нашъ первоцвітъ, стародавній
Український рѹзумъ.

Схаменѹтця, стрепенѹтця
Похилні люде, —
И съ панáми за столáми
Засідати бѹдуть.

Прѹсто, ясно бѹдуть сѹдді
Міру промовляти: —
Пійде правда зъ ріднимъ словомъ
Відъ хати до хати.

П. Кулішъ.

УНИВЕРСАЛЪ РЕГИМЕНТАРЯ СТЕМПКОВСКАГО

къ украинскому крестьянскому сословию, 30 августа 1768 г.

Помѣщаемъ этотъ любопытѣйшій актъ безъ всякихъ объясненій: прямые выводы сдѣлаетъ всякій безпристрастный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Какихъ послѣдствій въ исторической жизни двухъ народовъ и во взаимныхъ отношеніяхъ между сословіями можно было ожидать при существованіи, у образованныхъ людей, понятій, высказанныхъ паномъ Стемповскимъ съ такою непостижимо-наглою откровенностью и напыщенностью! Подобныя понятія, сопровождаемыя, въ то время, множествомъ несправедливостей и притѣсненій со стороны пановъ и жидовъ, естественно должны были вызвать, и со стороны народа, жестокость и мщеніе, о которыхъ говоритъ панъ Стемповскій, умалчивая однакожъ о настоящихъ причинахъ, возбудившихъ народное волненіе и о тѣхъ ужасныхъ, нечеловѣческихъ, казняхъ, которыя онъ совершилъ надъ Гонтой и другими *колями*. Полагаемъ, что понятія, проповѣдуемыя *универсалою*, принадлежать уже прошедшему.

Универсалъ пана Стемповскаго — кровавой памяти исполнителя казней надъ Гайдаками — находится въ числѣ рукописей, хранящихся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ, и напечатанъ въ книгѣ г. Моравскаго: *Materyały do konfederacyi Barskiej г. 1767—1768, т. I, стр. 226; we Lwowie, 1851.*

ПЕРЕВОДЪ УНИВЕРСАЛА.

«Осипъ Гавріиль Стемповскій, коронный полевой обозный, комисаръ военнаго совѣта, кавалеръ ордена св. Станислава, главный региментарь украинскихъ и подольскихъ партій королевскаго и рѣчи-посполитой войска.

«Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, отъ монарха и до послѣдняго сословія, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, и *васъ подданные (крестьяне), создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души.* Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ, его святую волю долженъ принимать съ покорностью; притомъ, о васъ установлены законы, и если вы не въ состояніи ихъ понимать, то должны бы научиться изъ непрерывнаго опыта по вашимъ предкамъ, которые, родясь съ повинностями, съ ними жили и умирали, передавая потомству свойственный ихъ сословію обязанности, которыя и вы должны были всосать съ матернимъ молокомъ, т. е. вѣрность панамъ и вѣчное подданство авладѣльцамъ.

«Между тѣмъ, вы, громады различныхъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, въ-особенности въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и бѣжавшіе изъ Волыни, вмѣсто того, чтобъ исполнять ваши обязанности, даже въ храмахъ Господнихъ надѣлали столько беззаконія. Родившись и воспитавшись *въ римско-католической вѣрѣ* греко-унітакаго обряда, вы осмѣлились перемѣнить *эту вѣру* тогда-какъ, давъ обѣтъ при св. крещеніи, вы должны были сохранить ее ненарушимо, и въ ней стать предъ судъ всевышняго Бога. Вы должны знать, что за переходъ изъ этой вѣры въ иную, не только прежнія, но и новѣйшія, постановленія назначили примѣрное наказаніе, какъ-то: отнятіе и конфискованіе имѣній и всего имущества, или изгнаніе изъ отечества, или же смерть, отчего не изъяты даже самыя высшія въ государствѣ особы. Чего же вы заслуживаете за это преступленіе, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго?

«Во-вторыхъ, какая христіанская религія разрѣшаетъ наносить, подобно вамъ, такія безчестія Господнимъ храмамъ—костеламъ и церквамъ? Въ большей чести были у васъ корчмы, кабацкія избы и жилища вашихъ старшинъ, такихъ же, какъ и вы, безбожниковъ. Я это самъ видѣлъ въ Лысянкѣ, преслѣдуя съ войскомъ бездѣльниковъ. При видѣ костела францискановъ, съ трудомъ можно было вѣрить, что это храмъ Господень. Алтарей въ немъ не было и слѣда; вездѣ одно разрушеніе. Образа прострѣлены, изорваны, нетоптаны; даже алтарь, на которомъ хранилась дароносица—и тотъ былъ оскверненъ постыднымъ выбрасываніемъ даровъ изъ чашъ на землю, наливаіемъ въ чаши разныхъ напитковъ и раскидываніемъ ихъ за свое здоровье! Въ круцифексы (распятія) вы стрѣляли

какъ въ цѣль: на нихъ еще остались знаки отъ пуль; или, вытащивъ на улицу, вы отбивали у нихъ палками руки и ноги (они находятся теперь у меня). Но Богъ милосердъ и на страшномъ судѣ своемъ, можетъ быть, вамъ простить; однако же на-сколько онъ милосердъ, на-столько же и справедливъ. Ксендзь ордена францисканцевъ былъ повѣшенъ вами на хорахъ, въ костѣль, вмѣстѣ съ жидомъ и собакой; статуи святыхъ разрублены и опрокинуты—это—ли поступки христіанъ? Если бы пришлось высчитывать все способы, какими вы истязали ваши жертвы, то ихъ не собрать и память. Одно воспоминаніе уже наводитъ ужасъ. Такъ, напримеръ, у беременныхъ женщинъ, вы доставали изъ чрева дѣтей, которыхъ потомъ подымали на коня, —а намѣсто ихъ клали котятъ; не говорю уже о прочихъ истязаніяхъ, какими вы отличались, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на достоинство, и изощряя свою жестокость въ-особенности на шляхтѣ. Вы даже не хоронили умерщвленные вами тѣла, какъ бы слѣдовало по христіанскому обряду, а напротивъ, приучали на нихъ къ жестокости мальчиковъ, совершая месть даже надъ мертвыми единственно ради безбожной потѣхи. Передъ вашими глазами хищныя птицы и собаки пожирали внутренности умерщвленныхъ и растаскивали ихъ по улицамъ, а впоследствии бросались даже и на путешественниковъ. Гдѣ же заповѣдь Господня: не убій,—да кому еще такъ постыдно! Сколько вы совершили насилія, сколько принужденныхъ браковъ съ вашими владѣльцами! Судите же сами, чего вы за все это стоите? Посмотрите, сколько сотенъ тысячъ шляхты, сколько вашихъ управителей, комисаровъ, губернаторовъ, писарей, администраторовъ и другихъ лицъ,—которые имѣли къ вамъ отношенія, и которымъ вы, платя дани и повинности, должны были повиноваться,—пало отъ такой ничтожной руки!—Не считалось также у васъ за грѣхъ умерщвление жидовъ, которые, живя по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ, содержали различныя отъ пановъ аренды, и такимъ-образомъ вы нанесли панамъ вашимъ многоразличныя убытки! Если они дѣлали вамъ какія-либо притѣсенія, обманывали васъ или грабили, то вы могли жаловаться на нихъ властямъ и тамъ искать справедливой защиты, а если бы вамъ трудно было найти ее здѣсь, то вы могли обращаться къ ихнимъ старшинамъ (!?).

«Посмотри, необузданное и разъяренное подданство (крестьяне), на этотъ обѣтованный край: теперь онъ облитъ невинною кровью. Сколько разрушено оборонительныхъ замковъ, зданій, построенныхъ съ большими издержками,—сколько городовъ, мѣстечекъ и деревень, не упоминая уже

о костѣлахъ и церквахъ! Теперь все это уничтожено, разрушено и обращено въ прахъ,—едва слѣды остались. Разсудите же сами, какой отъ этого ущербъ въ панскихъ дѣлахъ, которыя,—изъ обязательной вѣрности и привязанности къ панамъ, сознавая свое подданство, — вы должны были поддерживать! Поземельная плата, аренда, подати и прочіе по мѣстному обычаю налоги, вносимые и прежде небездоимочно, по причинѣ вашего сумасбродства и дерзости, нынѣ совершенно прекратились. Вы даже казну его королевской милости, благополучно царствующаго Станислава Августа, во многихъ таможенныхъ грабили, говоря притомъ, что вы не принадлежите къ его государству, къ рѣчи-посполитой! Мы, рожденные въ равенствѣ, благодаримъ Бога за возведеніе его на престолъ; васъ же какая-то сумасшедшая голова наущаетъ, будто вы народъ не этого короля и не этого края! Умный и достойный человѣкъ не только не станетъ говорить вамъ этого, но даже и не свяжется съ вами; подобное заблужденіе вселилъ въ васъ вѣроятно кто-нибудь изъ простолюдиновъ, считавшій себя умнѣе васъ.

«Не думайте, что—не говоря уже о владѣльцахъ—панахъ вашихъ—начальство и милостивѣйшій король, съ цѣлымъ народомъ, не почувствовали великой потери, которую понесли во множествѣ погибшихъ васъ, бездѣльниковъ: такая гибель людей—общественное бѣдствіе... а во всемъ этомъ вы виноваты! Смотрите, подданные, на вниманіе и милость къ вамъ августѣйшаго короля и рѣчипосполитой, которые и на настоящемъ сеймѣ (1768) постановили, чтобы не только арендаторы и управляющіе, но даже ваши владѣльцы не смѣли лишать васъ жизни, какъ это самовольно случалось, но чтобы даже достойный смерти предаваемъ былъ суду. Но такую милость короля и рѣчи посполитой вы утратите, если не перестанете безчинничать и не окажете исправленія и вѣрности.— —

«Будьте же вѣрны и послушны своимъ владѣльцамъ и панамъ, внесите надлежащія подати имъ самимъ, или арендаторамъ, или ихъ приказикамъ; жидамъ-арендарямъ и другимъ, проживающимъ съ разрѣшенія властей по деревнямъ, городамъ и мѣстечкамъ, селиться не мѣшайте,—словомъ, всякое безчynie, какое до сихъ поръ встрѣчалось, оставьте. Въ противномъ же случаѣ, если бы вы отступили въ чемъ-нибудь отъ вышеизложеннаго, я, волею и повелѣніемъ его королевской милости и военной комисіи назначенный главнокомандующимъ здѣшняго войска, буду васъ преслѣдовать и поражать, какъ это было въ Лысинкѣ, у Олхова и Литвянки, и такъ наказывать, какъ наказывалъ всѣхъ подоб-

ныхъ вамъ гайдамаковъ,—и тѣлесно, и смертию. Громадамъ же и народу вѣрному, послушному, воздержному и честному, общаю всякую помощь и доступъ. Если бы кто—нибудь хотѣлъ вамъ мстить, сдѣлаю то же, что сдѣлалъ со многими. Для тогоже, чтобы универсалъ этотъ всякому былъ какъ можно скорѣе извѣстенъ, вмѣняется всѣмъ властямъ, въ-особенности же духовнымъ униатскаго обряда, пересылать его изъ прихода въ приходъ. Если же этотъ универсалъ гдѣ—нибудь не будетъ принятъ, доносить мнѣ въ обозъ. Для большей вѣрности, съ приложениемъ печати, подписываю собственной рукою. Данъ въ обозѣ подъ Кодней, 30 августа 1768.

Приведенный универсалъ заключаетъ въ себѣ достаточное объясненіе одного акта противной стороны; подлинникъ, вѣроятно, былъ написанъ поукраински, но у Моравскаго (Materjau т. I, стр. 212) напечатанъ попольски, подъ названіемъ: Uniwersał do chłopow animujący... Этотъ актъ хранится въ той же Библіотекѣ. (Rkps, fol. № 321, str. 427).—

UNIERSAŁ JMC PANA STEPKOWSKIEGO, DO PODDAŃSTWA UKRAIŃSKIEGO.

Józef Gabryel Stepkowski, obożny polny koronny, rady wojennej komisarz orderu św. Stanisława biskupa kawaler, wojsk kor. jkmc i rzeczypospolitej, partyi ukraińskich i podolskich generalny regimentarz.

Gdy Bóg Stwórca nieba i ziemi z przepaścistych sądow swoich urocznych podług wszechmocności swojej ustanowił o ludzi kondycjach, i od samych rozpocząwszy monarchów porządnie po stopniach aż do ostatniego stanu, was poddani w tem powinowactwie stworzył, żadnej oprócz dusz z duszą w was nie zostawiwszy równości, a dzielność i wymiar ręki sprawiedliwej Boga zastępów każdy z chrześcian wyznający'go i w niego wierzący, повинні przystojnie, pokornie przyjmować obowiązany; tudzież wszystkie narodowe prawa o was poddani, które, gdy nie bystrość rozumu waszego jest pojmować, to was cieszyć powinno nieustające, ani ustać nigdy mogące doswiadczenie od lat tyle przeciągu, w przodkach waszych, którzy w zwykłych powinnościach porodziwszy się, w tych nieprzerwanie powinnościach porodziwszy się, w tych nieprzerwanie żyli i umierali, a jeden drugiemu w wnętrznościach prawie macierzyńskich powinno stanowi zdawał obowiązki, któreście z piersi wraz z pokarmem wyssać powinni, to jest wierność dla panów i wieczne poddaństwo dla dziedziców.

Wy zaś gromady miast, miasteczek i wsiów różnych, mianowicie w województwach kijowskim, podolskim i zdiegli z Wołynia, w bractwiskim znajdujące się; w zamian pełnienia swoich powinności, patrzcie, coście zacząwszy od samego Stwórcy Boga i świętych pańskich w świątyniach jego pełnili za bezprawia? Wy, którzyście porodzi i wychowani w wierze ś. r. k. obrządku greckiego uniackiego, ważyliście się tę odmieniać któreście Bogu w Trójcy św. jednemu przyjąwszy i przyrzekłszy na chrzcie św. nieskazitelnie dochować powinni i w tej przed straszny sąd Jego stanąć! wszak wszystkie prawa Boskie

i pisma świętych tego uczą, co wam wasi duchowni uniaci przepowiadać i nauczać powinni. Trzeba byście to wiedzieli, że za przejście z tej wiary do inszej, nie tylko dawne prawa, ale i nowe terażniejsze, przykładną przepisały karę i na anjpierwszych w ojczyźnie, gdyby się trafiło ludzi, to odebraniem i skonfiskowaniem dóbr i wszystkiego majątku, to wypędzeniem z państw rzeczypospolitej, to życia utratą. Cóż wy dopiero, gdy oprócz dusz waszych z daru Boga w was wlnych, a wszystka właściwość pod moc i władzę panom i dzie-dzicom oddana, dziś za te przestępstwo warci jesteście? Powtóre, która to religia nosząca na sobie imie chrześcianina tak rozwiązała, by te nieuszanowania w domach bożych, kościołach i cerkwiach, czyniła, któreście wy po tylekroć miejscach i tylekroć razach, z tak wszetecznem popełniali bluźnierstwem? W lepszym u was poważaniu były karczmy, szynkowe gospody i domy starszych waszych równie z wami bezbożnych. Patrzyłem ja na to sam w Lisiance, ści-gając z wojskiem tych hultajów, i gdym przyszedł do kościoła xięży franciszkanów, ciężko było pojąć rozumem, że to dom Boży! kiedy żadnego świętych pańskich ołtarza, ba i znaku prawie! tylko zniszczenia i wyrzucenia na ulicę, obrazy wszystkie strzelane, zdarte, zdeptane, a nawet i ten ołtarz gdzie w cym-borium Bóg w Przenajświętszym Sakramencie utajony zostawał, i ten sromot-nie zprofanowany, przez wyrzucenie z guszek, to jest kielichów na ziemię ko-munikantów i zdeptanie, a z tychże naczyń trunków różnych nalewanie i z nich za swoje wypijanie zdrowie. Krucyfikse, do których jedni do celu strzelali, i są znaki od kul w piersiach, drugim wywlekłszy na ulicę, ręce i nogi kijmi odbijali, które odtąd są u mnie, to jeszcze mało? ale gdy te przed straszny sąd Boga będą stawio-ne, tam chyba miłosierdzie jedno, w którym każdy chrześcianin ma ufność, za-słoni! ale też i to artykuł wiary, wierzyć: że Bóg jak miłosierny tak sprawie-dliwy. Powieszenie xiędza zakonu ww. xx. franciszkanów wraz z żydem i psem na chórze w kościele, figur śś. pańskich wszędzie, podcinanie, i tych rozwalanie, a takąż to religia chrześcian w was gromady? Gdybż zaś przyszło wielorakie nad bliź-niami wyliczać okrucieństwa w dzikich prawie nieproktykowanych ludziach, któremi się Bóg brzydzi, a natura ludzka wzdyga, tych rozum, ani pamięć objąć nie może: jako to między inemi milionowemi, ciężarnym kobietom wy-parania dzieci, a powyjmawszy rzucanie na spisy i w zamian kładzenie kotów przy piersiach będących, tym różne wymyślone męczeństwa, a bądź w jakim-kolwiek stanie duchownym lub świeckim, i płci obojga, w wieku zaś dojrzա-łym, średnim lub niemowlęcym nieproktykowane tyranie przez osobliwszy wściek-ły i wymyślony sposób. Na ostatek wszystkie inne pominawszy męczeństwa, a mia-nowicie na samej krwi szlacheckiej najwięcej praktykowane: gdzieście już zmarłe porzucali ciała, na którycheście niewinną psując naturę młodych zaprawowali chłopców, i toście podług obrządku chrześciańskiego niepogrzebali, ale i po śmierci niepraktykowaną dopuszczali zemstę dla samej bezbożnej rozrywki. W oczach waszych zlatywały się ptastwa pasąc się krwią niewinną i psy, zbie-gając się, targając wnętrznosci, też kawałkami po ulicach roznosili, z zgorz-zeniem i obmierzeniem natury, i tak się dobrze na zamęczonych zaprawili tru-pach, że i podróżnym przez rzucanie się na nich trudny był przejazd. A gdzież prawo boskie: niezabijaj? a jeszcze tak sromotnie!—A co gwałtów, co ślubów przymuszonych z pannami i paniami dziedziczkami swemi i wielu innemi stanu szla-checkiego osobami popełnialiście! Sądźcie się teraz sami, coście za tyle złego warci Policzcie wiele sto tysięcy ludu krwi szlacheckiej od tak niegodziwej poginęłorękit wiele rzadców waszych, komisarzów, gubernatorów pisarzów, administratorów?

i wielu innych, mający do was z zlecenia starszych interes, którymście winni byli posłuszeństwo, przez uiszczenie się z danin i powinności waszych; i to u was nie dyło grzechem, tak wielkie i okrutne zabijanie żydów, utrzymujących arędy pańskie, i tak mieszkających po wsiach i miastach, miasteczkach? co wielorakiemi sposobami panom waszym czynili utratę. A wszak przykazanie Boże na każdego bliźniego: niezabijaj! bo choć on w wierze błędny, i zowie się niewierny, ale to pod straszny sąd Boga podpada, nie pod wasz podpadać będzie. Gdyby uczynili wam jakie napzykrzenia, i oszukiwania, i praktykowane zdzierstwa, pókiście ich nie wypędzili, mieliście wszędzie zwierzchość użalenia się na żydów, do chodzenia zwykłej sprawiedliwości, a ta gdyby wam trudna była u zwierzchności, mieliście sposoby udania się do starszych nad niemi.

Przypatrzcie się zhukane i zajadliwe poddaństwo! owej nazwanej ziemi mliekiem i miodem płynącej: dziś w zamian zboczona i niewinnych krwią napojona; a co popustoszonych obronnych zamków, domów, kosztem znacznym pobudowanych, co miast, miasteczek, wsiów, a o kościołach i cerkwiach już niewspominając; dziś wszystko zniszczono, rozwalono i obrócono w popiół, znak tylko zostawiwszy miejsca. Miarkujcież sami, tak straszną ruinę co za upadek w interesach panów, któreście powinni byli przez wierność dla nich i przywiązanie, czując w sobie poddaństwo, powiększać; dziś wszystkie czynsze, arędy, daniny i inne podług zwyczaju kraju wypłacenia się, wprzód zalegały, teraz wcale ustały, szczególnie z okazji rozpusty waszej i zuchwałości, na któreście się targnęli, a nawet na skarb po różnych cłach i komorach jkmoi Stanisława Augusta, szczęśliwie nam panującego i rzeczypospolitej, zuchwale napadając, radowaliście, z tak jeszcze niegodniwemi głocy: że do państw jego i rzeczypospolitej nienależęcie! My dziś w równości porodzeni wznosimy ręce do Boga zastępów za wyniesienie jego na tron i pod jego panowaniem żyć nam miło; a wam któraś szalona głowa inaczej rozum nabija, żeście nie tego pana i kraju ludzie. Rozsądny i godny żaden jak się z wami niewdał, dopieroż mówić o tem pewnie i niepomyślał; tylko to lud prosty i czyniący się niby z was rozumniejszym tą was obdarzył ślepotą i tak niegodziwym zaraził błędem.

Nie sądziecież tak, by nie tylko dziedzice, panowie wasi, lecz ktokolwiek do zwierzchności waszej należący, nieczuł tak wielkiej straty, ile was wyciągać mogło; dotkliwy na to i sam pan miłościwy z narodem całym, że w państwie jego rzeczypospolitej tyle, chociaż hultajów, poginęło; publiczna to dla kraju krzywda, gdzie tyle ubyłoby ludu, a to wszystko przez wasz niegodziny wymyślony sposób. Patrzcie poddani pamięć i łaskę dla was najjaśniejszego pana i rzeczypospolitej, gdy i na teraźniejszym sejmie surowo zabroniono prawem, aby i samemu dziedzicowi, dopieroż posesorom i rządcom, nie wolno było, jak się podług woli swojej praktykowało, odbierać życia, ale i wartego śmierci oddać pod sąd, do zwyczajnej kazano juryzdykcyi. Umknie się pewnie ta łaska króla i rzeczypospolitej dla was, gdy nieprzestaniecie być hultajami, trzeba dla dobroci prawa poprawić życia i wiernoście. Powinniście już dotąd sami uznać wyciągniętą do ukarania was rękę Boga, gdy na was tyle gatunków ludzi przypuszcza; chłoszczą was nawet i ci, którzy ani do was, ani do kraju przez żaden spocób nie mają interesu; jeszcze tylko mściwą, ale sprawiedliwą ręką od sroższego ukarania wstrzymał, że z nieba niebiją pioruny, i żywceem ziemia nie pożera. Postrzeżcie się tedy, przestrzegam zajadłe zhukane poddaństwo, a najpierwej, którzy jesteście porodzeni i wychowani w wierze świętej rzymsko katolickiej obrządku uniackiego, szanujcie i słuchajcie; gdyby was zaś inaczej

nauczali, o takich do konstystorza tego obrządku lub do mnie znać dawajcie. Gdyby zaś paroch jaki, jak się teraz trafia, do cerkwi za instrumentem w cudzej jurysdykcji nie mając mocy, ani prawa, tak do ustanowienia parocha, jako i ten na fundamencie z tym, do instalowania się na też parafie żądał od was pomocy, takiego nie tylko przyjmować, pomagać, dopieroż słuchać nieważcież się, ale o przybyciu nieodwłocznie obwieszczajcie. Nauczajcie drugich, żeście nie inszego [monarchy, ani kraju ludzie, tylko dziś nam panującego, i po jak najdłuższem daj Boże panowaniu następców jego i rzeczypospolitej; dziedzicom swoim i panom waszym bądźcie wierni i posłuszni, daniny i wszelkiego rodzaju podług ustaw zwyczajnych bądźcie bądź posesorom, szyli z prawa lub zlecenia mającym od nich interesa, zalegle i terazniejsze wypłacajcie; żydom arendarzom, i innym po wsiach, miastach, miasteczkach z woli zwierzchności siedzącym, siedlisk nieprzeszkadzajcie: słowem, wszelkie hultajstwo, które się tylko praktykowało, porzućcie. Inaczej, gdybyście w najmniejszym punkcie cokolwiek uchylili, co jest wyżej przepisanego, ja zesłany z woli i rozkazu jk. mci i ordynansu prześw. komisji rzeczypospolitej i wojska koronnego, generalną nad wszystkim tu będącym mający komendę, ścigać i gromić tak będę, jakoście widzieli i słyszeli w Lisiance i gdym się bił z wami pod Olchowem i Litwanką, i jak dotąd hajdamacy i zbójcy, którymi wy sami jesteście, doświadczają w obozie, to kar cielesnych, to życia utrat, a dla gromad i całego ludu waszego wiernego, posłusznego, statecznego i pocziwego wszelki przystęp i pomoc; gdyby kto chciał się mścić o co nad wami, tak jak nad drugimi już uczyniłem, przyrzekam. Co, by wszędzie jak najprędzej doszło, wszelkim zwierzchnościom osobliwie duchownym obrządku uniackiego, zleca się: aby [od parafii do parafii przesyłane było; gdyby zaś gdziekolwiek nie było przyjęte, zaraz tu do mnie do obozu czekam uwiadomienia. Co, dla lepszej wiary, przy zwykłej pieczęci własną podpisuję się ręką.

Datt w obozie pod Kodnią, dnia 30 sierpnia 1768.

(Rps. Ossol. fol. N. 493 str. 417).

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

III наука иноді не въ науку.

Я не великий багатирь, але маю п'ять парь волівъ—давніше въ Кримъ посилавъ, та теперъ не тії гóди, не велика зъ того корість; бжолі, слава Богу, що-гóду, все бiльше: не купую меду и, що-п'ра-зника, прихожу въ церковъ зъ великою трóйцею; въ мене є чотіри ві-ряки: на мене й на людéй мелять вони, зъ моїхъ засіківъ не вибуває хлiбъ; самъ живу собі въ рóскішъ, и дрóгихъ рятую въ лихóу годіну. Не вклонюся п'анові: »позичъ, п'ане, бóрошна,« ще й ёго нагодую. Не обділивъ мене Богъ и рóзумомъ: рóзумні книжки читаю, чого не втiмлю, зъ панотцёмъ поражусь—та й панотецъ мене шанує, якъ зус-трине: ходімо, каже, Опанасъ Михайловичъ, до мене, або я до васъ, поговоримо трóхи. Й слухає мене, дивуючись не такъ письмёному моёму рó-зуму—бо зъ мене не великий книжникъ,—якъ тій правді, що йноді вимовлю ёму. »Відкiль у васъ, питає, беруться такі речі?«—А щожъ, кажу: хибá я дарёмне живъ на світі, щобъ не бачити, що на ёму, дiвному та ширóкому, рóбитця? Ви щсьмóмъ та книжками добiраєте рó-зуму, а я очіма багáто бачивъ, очіма, панóче, та й бiльше на їхчáсомъ увi-ряю, нiжъ на той хiсткий письмённий рóзумъ.« У громáди я въ почó-ті—за порадою и підмóгою йдуть до Опанаса—мабуть, чёсно прожи-ваю шóстий десятокъ. Великою семьею благословивъ мене Богъ: одъ самóї церкви до кінця села простяглися веселі хати—тамъ сині мої та онучáта живуть; третiна села зовётця Опанасовою. »Де ти бувъ,« питають.—На Опанасовімъ кутку, каже. Хто се тобі такъ рóсказувавъ?—

—Менший Опанасенко, Микіола—» Якъ то ёго не знати, кажуть:—вінь коли що каже, такъ праведно каже, ёму повіримо. До мене хто по-павъ въ рідню—щасливимъ зовуть; а якъ віддававъ я свою первачку на друге село, якъ то жалкували свої: «хібá, казали, у насъ и не найшлось їй парі? лишівъ ти насъ людини.»

Оттакій-то мині почотъ. Гордую—бачете, чомъ не гордувати, коли е чимъ? Добро мое добре нажите, а на великий почотъ не наби-вався у людей. За те я панъ, панъ на всю губу, якъ-то кажуть, сірий панъ ще, щобъ ви знали—може, ви про такіхъ й не чували? Есть пані вельможніі, ясновельможніі, въ великихъ палатахъ живуть: на їхъ, и за їхъ, самі знаєте, другії роблять; есть пані такі, що наверхъ не долізли, а зізати соромъ: якъ щось за кожухъ такъ вони за тее панство вчипі-лись—бідують, та все не одчипаютьця. Велика въ їхъ фанаберія! зустрі-нетця зъ тобою: «зверни, кричить, въ калюжу,—не бачишъ хто передъ тобою?» То й звернешъ ёму, жалючи ёго чоботятъ: може остатніі. Есть пани чиновніі—про їхъ ще наші прѣдки казали, й самому до-водилось бачити, якъ зъ тими чинами вони валяютьця по-підъ тинами. Усякі бувають на світі, а я—сірий панъ—вільний козакъ; не забувай-те, що я не старший міжъ товариствомъ, я рімний зъ усіми: мое панство—шістдесятъ годівъ, прожитихъ вірою й правдою.

Оцѣ розказую, а мині здаётця, що ви гараздъ и не второпаете, який-то може бути панъ міжъ мужицтвомъ. Коли доведѣтця вамъ коли бувати у нашихъ селахъ (а найбільше хуторахъ), придивітесь добре до людей, роснитайте їхъ, хто, мовъ, у васъ найпочотніший на всьому селі. Побувайте и въ того, на когó вкажуть вамъ—роздиві-тесь гарненько, у чімъ ёго сила, почотъ. Громада не збрѣше, на когó вкаже—а ви зрозумієте те панство.

Теперъ слухайте про йшого пана. Вінъ то й не панъ, та мавъ бути паномъ:

Годівъ зъ двадцять назадъ, коли не більше, проявився у насъ якийсь дивний чоловікъ. Зовсімъ, здаётця, нашъ, та не братався зъ нашими. Прийде літо, зберутьця на ўлицю парубкі—гляді—и вінъ тамъ. Зустрінешъ хлопця якогó, спитаєшъ: що то бувъ зъ вами за про-ява?—А Святий ёго знає, що вінъ за людина — попробували бъ ви, дідьку, зъ нимъ заговорити, може бъ чогó й дознались. Мені не при-ходилось якось ёго чипати, та що зъ того: зъ молодими, своїми рім-ними, не зіходитця, одъ мене—и Богъ велівъ ёму ховатись. Думка така—бабу бъ яку гарну підослати до ёго: та певне своє діло зро-

бить, на дні сѣрця его усе вишукае. Підійжъ, ще найді такю, а тутъ хлопці и зупинили мене: не турбуйтесь, кажуть, дядьку: вінъ одъ дівчаты та жінокъ, якъ одъ того огню, бігае. Може, думаю, опікся коли біля їхъ. Ще дужче захотілось дознатись, хто вінъ такий. Полягли ми однієї ночі спати, мині чого-сь довго не спалось, слухаю, хто-сь близко коло нашої хати співає; торкнувъ жінку: слухай, кажу, Марье, хто се такъ співає? А самъ перелічую усіхъ парубківъ — ні одинъ не підходить. Щожъ, жінко, питаю: не вгадаешъ?—Мовчи, будь ласківъ;—а сама й духъ притаила та слухае. Голосно розлягалась пісня на все село, невеселая пісня, (такіхъ у насъ співають, якъ у москалі беруть). Замовкъ співець; жінка й каже: се чужий чоловікъ співає; наші такъ не заспівають.—Який, кажу, чужий чоловікъ?—Григорій—хйба жъ ти не знаєшъ?—не то насъкий, не то паньский—щось недовідоме зъ его.—А ти жъ якъ довідалась, що его Григоріємъ звать? Ото вже диво! отъ бачишъ, зъ вами не говіркий, а мене нарощне самъ зачинивъ: »здорові були,« каже мені; — потімъ щось недуже складне сказавъ, я тільки й доняла зъ его слівъ, що вінъ хоче знатись зъ нами, все звертавъ въ речі на твої ружжя;—я тутечки й допиталась, якъ ёго звать. — Добре, кажу, жінко: ми ёго покличемо коли-небудь до себе, розважимо спіретьскую душу.

Оттакъ ми и пораялись зъ старою, а неділя черезъ дві и закликали до себе невідомого чоловіка. Я скоро зійшовся зъ нимъ, можебъ й нескоро, якъ би не взявъ его зъ собою птиці постріляти. Такий радіий бувъ:—я, каже, давно сего хотівъ, та не вдавалось, а теперъ буде чимъ тугу розігнати.—Яка тамъ, відповідаю, туга у такого молодого—стидно й людямъ хвалитись. Отъ, кажу, якъ мені було годівъ двадцять пять — и вамъ мабуть, не більше — такъ було, якъ скаже хто небудь: »чогó се ти, чоловіче, такий хмурний та не весілий«—то я ему: се тобі, або вамъ—коли то спитає старший відъ мене—звиділось, що я хмурний; я свого ще батька не бачивъ ніколи хмурнимъ, дарма що сёмий доживае. То вже инше діло—якъ покохавъ я дівчину, а батько не зволявъ брати її: було ходишъ повісивши голову, а тобі—хто не зустріне—притику дае. »А що, Онанасе, повісивъ свою веселую голову? И то було відкажешъ: оглянься, парубче, на себе. — Гляди коли въ его не зовсімъ тихо, то обдивитця та й відчепитця.

— Стріляйте лишъ мерщій—кажу ему сміючись:—не гараздъ, може, й тугу розгоните,—бачте, скільки птиці знялось.

Бачнувъ, ажъ віляски пішли по лісу; тільки вража птиця прямиєнько въ вірії помандрувала, хотъ би тобі на-сміхъ одна зосталась на місці.

— Одтягніть, кажу, її дальше, а то—не лихий часъ—завоняєтця, або здійметця та полетить.

— Давно, каже, Опанасе Михайловичу, стрілявъ—рука одвїкла.

— Може бъ вамъ дати друге ружже: у горіді купивъ;—усе въ серце попадає. Добре я догледівся, що вінъ зовсімъ не вмівъ стріляти, але негарно було виявляти его. — У насъ, кажу, птиця знакома з нами, то ми й попадаємъ її, а ви, *приміромъ*, чужий чоловікъ, то й птиця васъ не знає, ні ви її. Поживетє й роздивитесь! Першого разу, на мою руку прийшлоє таки чимало птиці—було зъ чимъ до старої вертатись. Вернулись до-дому, мене дорогою впрішувавъ вінъ, щобъ не хвалівся я жінці, який зъ его охотникъ.

— Затоплюй, кажу, старі, пічъ, та йди, подивися на нашу охоту.

— Хто же се такъ набивъ? не вже ти одинъ.

— Поклоніся, кажу, въ ноги Григорію Михайловичу: безъ его порожнякомъ припхався бъ.

Вінъ поглинувъ на мене, та й каже: не вірте; то Опанасъ Михайловичъ самъ набивъ, ще й смієтця зъ мене.

— Годи, годі, — помиримось; ото, жінко, якъ вгледішъ жирну та здоровенну птицю, такъ и знай, що не я її стрелявъ. Нашъ охотникъ не долюблює дрібязку—вдруге ми зъ нимъ підемъ на журавлівъ та на дрохв. А теперъ, чи не можна бъ намъ перехопити чого-небудь, пошукай лишъ.

Тимъ часомъ зачинились ми зъ нимъ въ кімнаті, розвели самограй, та й почали собі балакати. Бачу я, розвеселився чоловікъ, ставъ я потроху заціпати.

— Оце—кажу—ви сьогодні нічого не встрілили, а мені казнащо прийшло въ голову: — чи не підстрілила васъ котора—приміромъ — чорнобривая, чи яка тамъ. По собі звіривъ, а то й не питавъ би.

— Ні, каже: у мене й думки не має объ сѣму, безъ усякої прожуву, багацько и безъ мене на світі людей.

— То бо й ліхо наше; вамъ, кажете, байдуже про се, а отъ ви недавнічко въ нашому селі, а вже про васъ усяди гомонять, найбільше тії дівчата: »молодий, кажуть, та хороший, та Богъ его знає, що...«, ви самі добре знаєте, що вони кажуть. Оце й я придівлююсь

до васъ, въ вічі скажѹ вамъ: щось дивнее зробѣлось, мабуть, зъ вами. Спитайте у жінки моєї—и та вамъ те саме скаже.

— Такъ щожъ, вамъ хотѣлось би знати, що робѣлось зо мною?

— Не те, щобъ мені хотѣлось, а такъ, бачете: що маю въ голові, те й вамъ скажу. Коли е у васъ лихо—ховайте ёго одъ людей, щобъ щасливі не осміяли. Сиротѹ люблять, якъ не дѹже голоситъ усімъ, що вінъ сирота; та й щасливі ворогівъ наживають, якъ не відъ усякого ховають свій талантъ. Усяко буває—може, ви на самоті скорѣше приспитѣ лихо. Я самъ, одъ роду мого, не просивъ поради у таємному ділі.

— Поради мені й не треба, та й не порадивъ би ніхто, хочъ би попрохавъ. Душу хѣба одвести, розказавши доброму чоловікові, що ми, й молодії, а вже нажились на світі. Чуднѣе діло: гараздъ світа не бачили, а нажились. Нехай люди не кажуть: »бурлакѹе ледящо«. Можебъ, справді, пішовъ у бурлаки, та тепѣрь назадъ приведуть. Дрѹгимъ часомъ, Опанасъ Михайловичъ—почѹете, якъ я живъ.

Довго я ждавъ того другого часу: мабуть все звѣрявъ мене, що я за чоловікъ. Якось разъ, після такої жъ охоти, сиділи ми зъ нимъ въ кімнаті,—небагатецько таки закінули въ голову;—отъ вінъ и каже:

— Дивлюсь я на васъ, Опанасе Михайловичу, та й дѹмаю, чомъ вамъ не добре жити. Оттакѣ житті и мені спѣршу складалось—мабуть лихий чоловікъ дорогу перейшовъ, а добрі люди зрадили. Принесло жъ не добру жінку на мої родини—се мені після розказували—вона бъ то зяхаркою була, и всі кріпко на її ввіряли: що було скаже—не минѣтця. Мати моя така рада їй—добре ти, каже, бабѹсю, лучилась: мені Богъ сїна давъ, подивися лишень на ёго. Взлала мене на руки, пильно на мене дивилась, кажуть люде; потімъ й каже матері: се якїйсъ у васъ одмінний одъ пѣршихъ, треба вдрѹге подивитись, иншимъ часомъ, та й погадати, що зъ ёго бѹде. Скоро й знову пришла:—отъ що тобі, каже, пані моя дорогая: твоя дитина по наўці підѣ, весь розумъ проїде, законникомъ—каже—буде, не такимъ—нехай Богъ

боронить—якъ оце ми бачимо по городáхъ, що у сѹді пишуть,—то голодрабці; ні, я бѣ и не сказала вѣ вічі, якъ би такѣ побачила по ёму; а вінъ буде громаду судить, порáду їй давати—самъ у великому дово́льстві житиме, пи́шно буде по́хожати міжъ лю́дьми та ка́зати: «отакъ, мовъ, и такъ робіте.»—Себѣ то ти, баб́усю, на о́кружного звертаешъ, або ще на більшого па́на, пита́є її мати моя.—Сѣго вже не скажу; тоді, якъ вінъ у си́лу ввійде, мо́же й о́кружні виведутца. Тільки ось—ще що: роді́мее у дити́ни не гара́здъ на щасли́вому ми́сці—(взяла, та й по́плювала три́чі роді́мее)—коли́бъ хлѹ́пецъ не спі́ткну́вся, якъ ви́росте—се вже ё́го діло.»

— Я не дуже до́віряю сѣму ка́занню: пі́сля, мабу́ть, ви́думали; та воно ли́ха мені наро́било, коли спра́вді такъ було.

— Се вамъ, зна́чить, Григо́рий Миха́йловичъ, ци́гáночка поворо́жи́ла?

— Ні—мати ци́гáнокъ не слѹхала: се своя бу́ла лю́дина — такъ ніби яка пу́стелниця; тимъ її и вважали. Захо́дили́сь же пі́сля коло мене:—ні одному ста́ршому бра́тові небу́ло тако́ї ша́но́би; що-дня ма́ти плю́є на роді́мее, приговѹ́рюючи: «щобъ ти—ли́хее—сте́рлось зъ мо́єї дити́ни, коли ма́єш ста́ти ё́му прити́кою у до́брій годи́ні»; а воно си́дить собі,—й до́сі не сте́рлось.

— А де́жъ воно у васъ по́місти́лось?

— На плѣ́чахъ, кѣ лѹ́вому бо́ку.

— Отже, Григо́рий Миха́йловичъ, я не зна́харь, а скажу вамъ, що збрѣ́хала ваша пу́стелниця, чи якъ тамъ її зо́вуть:—се саме що ни́е щасли́ве, коли ви ё́го не ба́чите. Дру́ге бѣ діло, якъ би воно сі́ло де не́будь, щобъ ви ё́го ма́ли передъ о́чима—тоді хоча зъ сві́та вті́ка́й; та й то я́кось лю́де живѹ́ть и зъ таки́мъ.

Мо́же бѣ воно и було щасли́вее, якъ ви ка́жете, коли́бъ, на ли́хо мо́є, ба́тько мій не вме́рѣ. Тепѣ́рѣ ще зга́дую ё́го оста́тні́ речі: «ро́сти, си́ну; ви́ростешъ—чо́ловікомъ бу́дешъ.» »Ста́ршихъ ви́дді́ливъ—ка́же було дру́гимъ—а его поса́жу на сво́єму гні́зді:—нехай ко́за́куе та ба́тька сво́го зга́дує.» Мій ба́тько бу́в замо́жний ха́зи́нъ; не роді́вся вінъ благо́роднимъ, та не бу́в и крі́пако́мъ—оттакъ якъ би й ви, Опа́на́сь Миха́йловичъ; годі́въ Бо́гу й до́бримъ лю́дямъ—та й га́дки не ма́в, ні́кому зла не ді́явъ,—то й его по́важа́ли—чо́го ще краще? Було зве́ли́ть вінъ свої́мъ робі́тникамъ взи́ти и мене коли́ зъ со́бою, якъ і́дуть на ко́сови́цю, або инше куди́:—пока́жіть, прика́зує ї́мъ, мо́є господа́рство. То хлѹ́щі й по́казують мені́: «оце, ка́жуть, Гри́цю, твого ба́тька,

и се. Скільки то окомъ захопишъ поля, чи лісу,—все то батьківське. Щасливий ти, кажуть, Грицю; буде тобі надъ чимъ хазяїновати; ще инший проворний прикаже тобі: »гляди, и насъ не забувай, якъ віростешъ, будешъ запомагати и намъ«, а другий каже: »ти мені, Грицю, півполя віддаєшъ зъ десятини—добре?« Я ще бувъ не величкий тоді—годківъ шість було — то й скажешъ ёму: »усе тобі оддамъ, тільки годі мені.« А хлопцеві, звісно, не багато чимъ треба вгодити.

На сёмому годі батька поховали, остались ми зъ матірью вдвохъ. Тутъ вже иншая казка почалась; мати моя—якъ би вамъ сказати—не мужічка була, а зъ духовного роду, зъ дяківського; міжъ своїми не прийшлося їй дружину найти, то вона й вийшла за мого батька. Але гордувала собою, якъ мені теперъ розказували; кріпко гнівалась, що батько першихъ двохъ синівъ своїхъ повівъ по собі. »Самъ мужікъ—буди́мъ казала ёму—и дітей не визволивъ зъ мужицтва: згадавъ би хоча, хто їхъ мати.« Батько недуже потуравъ їй: робивъ, що самъ знавъ. Й добре якось виходило—старші мої браті чомъ не люде? ще які!

Одного мене вивела мати въ люде, та й добре, що не знає, які зъ мене люде. Усе торочила батькові:—»якъ хочешъ, старій; я свого Грищика поведу въ світъ, якъ сама знаю — не чувъ хиба, що казала пустелниця?« Батько було махне рукою: »поки не вибѣтця въ шірря, то нехай буде твій; а тамъ, коли живъ буду, на свої руки возьму—тоді вже не перечъ мені.

Отже, не довелося батькові учити мене розуму, а певне більше бь набрався, ніжъ теперъ. Трохи перегадомъ, якъ померъ батько, мати оддали мене до школи, въ самю буреу, Опанасе Михайловичу. Оттуть, мій батечку, все лихо мое зробилося; відсеіь я пхався въ люде. Погляньте на мене—чимъ я не козакъ...

— Эге! правду кажете;—тільки чубъ у васъ довгий дуже.

— Встаровину такий носивъ, то й теперъ ношу; а гараздъ таки мені за ёго доставалося.

Виряжючи до школи, мати наказувала мені: »ідь, моя дитино, вчійся, слухай старшихъ себе; якъ вивчійся, будешъ читати мені розумні духовні книжки, бо я вже стара,—гараздъ не добачаю. Гляди ще, не забувай своєї матері; якъ би твій батько живъ бувъ, може бь тобі не видати школи.«

Повезли мене; я й не пручався дуже:—щожъ, думаю, розумне щось мають зробити зъ мене;—буду слухати добріхъ людей. Привезли

и, найперше всього, показали мене найглавнішому надъ школою—супермаркету якийсь; борідка—тільки й слава що борідка. Нестрашнє, думаю, ні скільки—а свого панотця боявся, бо то й було таки на що подивитця. Привезли и кажуть: »оце надумили его матір віддати сина до школи; попробуйте, чи годитця. — Добреє, каже, діло;—а попробую другимъ часомъ, бо ніколи. Пробувавъ—спасибі ёму, не гараздъ, та й звелів одвести до школи. Потімъ, подумавши тріхи, й питає: — а де жъ ви ёго хочете помістити — на кватері чи въ бурсі?

— Хто жъ васъ привівъ до школи?

— Дядьокъ якийсь; мати казала, що вінъ зъ далекої рідні намъ довідивця. Вона й дала мене на ёго руки. Ви, каже, дотепніші въ школярському ділі, то й мою дитину гараздъ доглядите. Отъ, вінъ и каже смотрителєві:— »була бъ ваша ласка, самі зволіли бъ указати, де хлопця помістити.—Я бъ, одвітує, взявъ би ёго до себе; але на васъ здаюсь:—все таки не хотівъ би, щобъ его помістили на кватері. Тамъ не далеко ёму збалуватись—догляду такого не буде, якъ у бурсі.

— Се бъ то, виходить, Григорий Михайловичъ, гарно въ тій бурсі?

— Хто вамъ каже—гарно! У бурсі поміщаютьца усе бідні, безъ батьківъ та безъ матерей, а я и небідний бувъ, та ще й не духовний—мене у бурсу и не слідъ би отдавати. Такъ тії грошей не платять, на казни живуть а за мене гроші взяли.« Кудибъ ті гроші?

— Певне пішли добримъ людемъ за доглядъ. Самі знаєте—и звичайно робитця, и добримъ людемъ не въ обиду;—и імъ гріє, и насъ не гараздъ пробирає.

Покинули мене одного въ бурсі безъ усякого догляду. Пішовъ я въ школу, въ третій класъ—бо такъ зволівъ панъ смотритель, великую мілость—значить—оказавъ. Ходивъ я такъ, мабуть, неділь зо дві, коли се лучився й смотритель. — А покажіть, каже, господинь учитель, новичка Григория Циганєнка? (се моя фамилия). Піднявся я: »ось де,« кажу я.—Тебе, говорить, самого не спрощували, то й жди своєї черги; та ще не треба казати: »ось де«, се помужипьки. Потімъ щось балакавъ зъ учителемъ; я тільки донявъ, що то объ мені, яку бъ мені прибавити другую фамилию, духовную, та ще освідомився якъ я вчусь; далі обернувся до мене й каже: »тобі, любезний, здіся не по силі вчитись, *переходь*—ка въ низчий класъ; тобі легше буде, и насъ поблагодарить твоя мати.« Показали мени той класъ; пішовъ я;

ходивъ тежъ не довго, знову приходить смотрітель, и знову тієї са-
мої заспівавъ.—»И здіся, каже, тобі не прихóдитця б́ути — ходи в́ь
пёрвий классъ.« Пішовъ я й туди, а мені вже стало не в́ь терпіжъ.
Обридли мені б́урса—хочъ би їсти вдовóлі давали. А то було дадуть
на ще—серце шматокъ хл́оба безъ соли, в́ь пельку не в́женешъ:—тиєї
веч́ері, якъ Богъ зна чо́го—дожид́ається. Сиди́шть, сиди́шть до дев́я-
того часу, таб́аку дають тобі нюхати, щобъ не ослаб́ивавъ, а тутъ
заснешъ—а воно телёнь—телёнь, якъ дурний схóписея, та б́іжншъ
в́ь трапёзу—не посн́ивъ рано приб́ігти, то одъ галушќь одну щерб́у
сёрбай. Буде вамъ згну́чатись, д́умаю собі, та й знам́ирився в́тікати
додóму: тамъ каж́у, посл́дній найм́ить роско́шує, а яжъ—то
на що зд́ався в́ь ма́тері? Над́умався одно́го ранку, та манівц́ими й прич-
вал́авъ до рíдної нён́ьки. Рíпнувъ двер́има, а вона: —охъ, лишенько
мені, хтожъ се тамъ та́кий в́ь та́кую год́ину,—а бу́ло вже пізно.—
Не б́ійтесь, каж́у, мат́усю, се я, Гр́ицькъ. Ма́ти якъ сто́яла коло две-
рей, такъ и зомл́ила. Увели мене в́ь х́ату — оди́йшла трóхи й пита́є:
що се с́ь тобóю, моя дити́но?—Їсти, каж́у, не да́ють. Ста́ли до ме-
не не усі при́двлюватись, а мені животи́ну ту такъ роспёрло, такъ рос-
пёрло, що наче я у песьголови́ць рíкв ви́живъ, о́рихами в́ь саж́у од-
году́вався, або вели́кимъ па́номъ зроби́вся, а о́чі та́кі ста́ли ви́рячку-
ва́ти, а на вид́у та́кий сух́ий та бл́дий... Котри́й—с́ь найм́ить и каже:
га́рні жъ ви зроби́лись, Гр́и́цю!—а д́вчину, торкн́увши, промовла́є їй ти-
хён́ько: »зате, мабу́ть, кр́ішко розу́мний ставъ — поч́уємо.« — Ма́ти
под́умавши и каже мені: »чóмъ же ти, м́ій с́и́ну, опові́сточки н́яко́ї
не давъ? я б́ь то́бі усё́го посл́ала; а то д́умка та, що тамъ га́рно го-
д́ують. Оце́жъ, якъ ти зм́ин́ився, на силу пі́знала. Мо́же тебе зовс́імъ
ви́гнали изъ шкóли?—Ні, каж́у, ще не ви́гнали, а скóро, мабу́ть, те
буде. Ба́чте — мене з́разу в́ь трéтій классъ при́йняли, а теп́еръ вже
в́ь пёршому опин́ився, да́льше нікуди й перевóдити. То я й над́умав-
ся за—однó в́тікати—мо́же то во́ні на здога́дку мені такъ зроби́ли. —
Ма́ти засм́утилась—нега́рно, ка́же, с́и́ну, ти зроби́въ, трéба посл́ати
за Петро́мъ Онопрі́евичомъ (се бувъ той са́мий дя́къ що вози́въ менé
до шкóли). Якъ при́хавъ вінъ, ма́ти д́уже на ё́го начи́пилась:—я жъ
вамъ—виговóрює ё́му,—увесь докла́дъ дала, щобъ дити́ні га́рно було, а
воно́ зовс́імъ пога́но—подиві́тесь на ё́го. А вінъ, зв́існо, дя́къ не ду-
же вва́жливий чолов́ікъ, не засм́утивши́сь, такъ и відка́завъ їй:—ба-
га́цько нада́вали, нічо́го казати; якъ би на ва́ше вва́живъ, то мо́же й
хло́пца назадъ приві́зъ би; свого чим́ало докла́въ.—Я васъ тимъ не

дорікаю п вашого не хочу, а що давъ, то нехай мені на тїмъ світі зашішуть. Отъ моя дяка—самі ми при чұствїї живемо, та ще такі рідня зъ вами. Тїльки на хлѡпця свого не дуже вдівлюйтесь—що то животїну ёму роспёрло:—великая цїця. Мене, моя панїматко, не такъ роспїрали, та ще—бачете—не зовсїмъ довчився, а то й рїдний батько не пїзнавъ би. На те воно—скажў вамъ—и наўка зовётця, що не даромъ приходитця: тоді усі булибъ розўмні,—такъ ото й притїка.

— Якъ же се воно, Григорїй Михайловичъ, щобъ дякъ за васъ положивъ своїхъ грѡшей?—щось недовідомее, нехай буде вінъ и перерїдний по вашому. Отъ, нашого дяка, здаётця, й краще не ма на всїмъ ѡкрузі, а що зъ ёго за слава? Скїльки я ёму хлїбомъ, яйцями, курчїятами передававъ—а вінъ все такий же вїдливий, якъ и спёршу: коли зострінетця, усє: »чи не були бъ ви, Опанась Михайловичъ, ласкові, борошєнця, або ще чого, одинаково у васъ засїки ламаютця одъ хлїба.« То й звелишъ одсїпати, щобъ одчепївся.

— Звїсно, Опанась Михайловичъ, вінъ нічогосїпнько не клавъ за мене, та се, значить, надогадъ буряківъ, чи немає капўсти, щобъ підвернутись до моєї матерї—а що вінъ брехавъ, я самъ те знаю. Мати, виряжаючи мене, дала ёмў на смотрїтеля и на вчїтелїв, та тїльки першому перепало, й то не все, а сї й такъ—здоровї були—облизались. Тимъ—то мене й почали зъ третєго класу въ першїй перетягувати.

Порайвшись зъ дякомъ, мати попрохала ёго знову одвезтї мене до школи. Я бачивъ, якъ мати полїзла кудїсь, витягла кашпўкъ, дала грѡшей дякові, щобъ вінъ одвївъ гнївъ смотрїтелеві за мїї побїгъ; хотївъ постерегти матірѣ, та й зонинївся: »нехай, дўмаю, підсїпає въ дїрївий кашпўкъ,—не насїпле повний.«

На дорозї дякъ мене—за се хочъ спасїбї—предварївъ, що мене жде. Вїсїчуть, каже, добре дїло зроблять, не будешъ втїкати. Небїйся—себѣ то втїшає: не ти першїй, не ти й послїдний, підпросї сїкарі—се бъ то вже рає, щобъ не дуже бнївъ, а може здобритця, по кожущкў тїльки буде лїпати. Я такъ робївъ, отъ же й досї живъ.

Якъ приїхавъ у гѡродъ, се мене тутъ ще вперве спрѡбували, яка на менї шкўра. Я, недогадливий, не підпросївъ сїкарі, отъ вїль сїпле дѡбрїхъ, а пайстаршїй изъ серєдини класу покрїкує—»пїдбавъ, пїдбавъ, бо въ ёго шкўра мїцнїя, звїсно мужїцька, нову ю паньську нашіємо.« Справдї—теперъ я, мабуть, въ паньскїй, бо тонкая та лискучая.

Отъ же швидко я втігся, за іграшки стало. Спершу, якъ вісікли, товариство почало погукувати: нашъ теперъ, нашъ Грицько. Який, кажу, вашъ?—Не знаєшъ хіба, що хрещений? а се жъ тебе недавно сподобили. Отъ що воно означає *нашъ*. Дальшъ уже всюде шло рівно діло. Въ першому класі, о половині року, появилася новий вчитель (перший бувъ ще милостивий), зъ Кііва, якъ казали. А попавъ вінъ до насъ за великий розумъ. Така була про ёго чутка, що вінъ знамився узнати, скільки разъ колесо обкрутитця поки доїде одъ ёго родини до Києва (може верстовъ 100 було): то спиці однієї не долічивъ, помилився, а въ голові клénка якась віпала. Отъ тобі! й колесо недоїхало до Києва и ёго відтілі вігнали. Де ёго подіти? Взяли й прислали до насъ:—якъ разъ, кажуть, по тій школі буде. Справді—прийшовся, на́че тамъ бувъ.

Що ми ёму витівали—одинъ Богъ знає, а що вінъ зъ нами робивъ, що на тілі написано, коли ціле въ кого зосталося. Разъ на́ра-яли мене більшіі хлопці:—ти, кажуть, якъ будешъ проситись зъ класу за чимъ-небудь, то не кажи, якъ другі, а ось що вівчи: *domine magister, da mihi licentiam exeundi foras*. Се бъ то по на́шому: господи́нь вчитель, позволѣте мині вийти вонъ. Що тутъ, самі ба́чите, поганого? Я такъ й сказавъ ёму. —Дайте ёму, ка́же, хлопці, щобъ пам'ятававъ, якъ до вчителя треба говорити. Спасибі ёму—більше такъ не прохався зъ класу.

Сиди́шъ було у класі тихо, ні до кого не обізнэвся—мене, мовъ, тільки не займайте, цуръ вамъ. Оцежъ який-небудь не посидючий, чи то ёму холодно, коли зімою діло ведеться,—підніметця та й ка́же вчителєви: мене такий—то зобидівъ.—Положіть ёго—одвітить вчитель. То й погрію́тця молоді хлопці. Вказували й на мене, доставалося и мені, немилувавъ же и я їхъ—за що, думаю собі, дарёмне дерпати?.. Цілий класъ було зоби́жаемо одинъ одного.

Інший разъ принесё вчитель гармо́нику. Хто—пита́є—міжъ вами га́рно гра́є? Обізнэ́тця який проворний и почне в́еселої додава́ти. А ми, сказа́но то дівора—підемо навприсядки, ажъ пілъ три́нцять, такъ дотина́ємо. Усе забу́ли, якъ вінъ и муштрува́в насъ: »небий тільки насъ, ба́течку, а ми тобі, якъ вміємо — танцю́ємо. Не вгоди́жъ ёму той, хто грає:—возьміть его хлопці. Котрі підхо́пили в́еселого хлопця, а котрі за ла́вки, сидять мовчки, ждуть своєї черги. Отъ тобі й в́есільная пісня—сумно зроби́тця на в́е́му класі. Зно́ву ве́літь гра́ти, зно́ву танцю́ють небора́ки, хто ще слізь гара́здъ необте́рь.

Вамъ, Опанасъ Михайловичъ, не доводилось на віку таке весілля справляти?

— Чуднєе ваше, Григорій Михайловичъ, товариство. Зібрались би гуртомъ, та й ёму оддячили. Я чувавъ, що такъ и робили де-де.

— Що маєте робити зъ дурнимъ чоловікомъ, коли вінъ у силі. Та дурнямъ все лєгко зъ рукъ сходитъ.

Коли вже нічого зъ нами діяти, принесє було в'язку папіру, все списанного, се бъ то въ Києві списавъ. Отъ и почне читати намъ; пить изъ ёго лєтця, а вінъ читає:—розбіраєте, хлопці, питає. А якже, кажемо, се при насъ писано. Зібву читає, далі й спрєсить:—а объ чімъ читалось?—мовчать, та ждуть, що сь того бѹде. Э, каже, вражі хлопці—ви мене одурили, кажучи, що все дойняли зъ мого папіру — такъ шожъ, ябъ се то дурень по вашому, признавайтесь?—Инший й скаже: ні ви, не дурень господиць вчитель—якъ то можна. Брєшешъ, а на що жъ ви казали, що розумієте усє, що я читаю.—Що тутъ ёму въ Бога казати, самъ себе зрєбить дурнемъ, а другий виненъ. А знаєте, Опанасъ Михайловичъ, дурні усе пакії такі: що не по їхъ, заразъ тебе накріє. Бачте — здогадуютця, мабуть, що вони таки справді неблагополучні въ своїй головиці. То й нашъ не спускавъ намъ.

За те, слѹхаючи изъ тихъ папіривъ, які ми розумні були! приїду до матері, вона мене усадєвить коло себе:—читай, каже, мені, оцю книжечку, а я послѹхаю; на тежъ и въ школу тебе віддала—та й дасть яку небудь—псалтирку, або и про святого пустєльника. Читаєшъ, читаєшъ и помілился де-небудь—се частенько лучалось зо мною—а мати до мене: опежъ, каже, сиңу, ти й досі читати гарздє не вмієшъ.—Я, кажѹ, матусю, й не дѹже долюблювавъ такі книжки—Якъ то, моя дитино, се ти кажешъ такъ про святі книжки, що въ їхъ пишеться про святіхъ лєдєй?—пропашая, каже, та дитина! Не сєго я одъ тебе хотіла. Та й почне наvertати мене на свій ладъ — то нічого не вдіє:—годі, кажѹ, не вже мені, молодому, відъ васъ старіхъ вчитись—Гріматі станє:—не застрацєте, кажѹ, бо я не такі острахи бачивъ. Якъ порєстця зъ добрими людми, то ті утихомірають її трєхи: «молодє, кажуть—та тонке; виростє—виправитця.

Оттакий вже я бувъ малимъ, Опанасъ Михайловичъ. Не дивѹйтесь, коли иноді побачите духовнихъ школяривъ не такими, якъ би хотілось. Усе святєє обриднє, якъ стануть допикати та видатись зъ нимъ. Поки не віддали мене въ школу, заставивъ було мати мене

молитись—гáрно було помолюся,—по дiтськи, та помолюся—а теперъ? поглинешъ на стiлець—молитвенникъ, на другий—молитвенникъ; вхопишъ що почитати не духовного,—лають, и бiльше доводитця. Якъ то радiешъ инодi, вiхопившись изъ Божого храму!! Що вище йшовъ я по клас-самъ, все гiрше було. Рóзуму набирався, та добра цурався. Другiї мене зацурáли.

Отже, якъ я пiдбiлшавъ, и въ вищi клáси перейшовъ, не ставъ лóдей бóитись,—запанiвъ трохи.

— Вiпьемо жъ, Григóрий Михáйловичъ, кажú,—за те, що ви осло-бонiлись трóхи.

— Дóбре, Опанáсь Михáйловичъ, тiльки не за пáнство. Бодáй—не вертáлось, трiчi бодáй не веертáлось!

Почалóсь мое пáнство съ тогó, що менi стали дорiкати: «му-жикъ ти, кажуть, сiрий, хамъ»—и iнше якъ: терпiвъ я, та трéба було жити зъ нiми. Що мáешъ робити? iхъ багато, а я одинъ межъ ними: мусивъ гурту держáтись. Та й присягнувъ у iхъ би-то общину.—Робилося се такъ.

Бачу я одного рáзу, зiбрáлось товариство кудiсь ити.—Куди се ви, питаю iхъ. Не про тебе рiчъ—одвiтують. Сякъ-такъ потягся и я за ними:—глядижъ, кажуть, роби те, що ми робитимемъ. Вийшли за гóродъ, пройшли веретóвъ съ п'ять и останóвились передъ хре-стомъ. Здиймáйте, кажуть, шапки. Поздиймáли; а одинъ найглав-нiший мiжъ товариствомъ и кáже: «пiдъ сямъ хрестомъ покóитця великий чоловiкъ, сподвижникъ Тарáсiвъ, коли не самъ Тарась, що упокóивъ ляхiвъ оди́єї почi. Помянiмо жъ великого чоловiка дóб-римъ дiломъ—присягайтесь, товáришi, що бóдете дру́жно жити, сво-iхъ не видавати, я́бедниками не бóдете передъ начáлствомъ... Цiлуйте хрестъ.» Ми й поцiлували. Таки гáрно було подивiтись—високiй мурóваний хрестъ одинъ собi на ширóкому полi, а передъ нимъ товариство; аке е нi е, а все товариство! Отто я й присягнувъ, отто й мене за свого стáли почитати.

— Тéпле жъ, бачу, ваше товáриство. Не грiхъ було й пристáти до ёгó.

— Тёпле то тёпле, та чогось не достачає. Ставь я за еднó зъ хлóпцями. Вони вь попі готуютьця, и я туди пхáюся. Зробітися попомъ—не було для мене кращого. Дурний я!—ті духóвні на те родились, щóбь попáми бути, а я—бáчте—сірий тудіжъ за ними. Каюся та не вёрнетця. Ужé й дячковські треби ставъ справляти заздалегóді. Попі прочули, що я тежъ знамíрюсь по духóвному піті, стали придивлювáтись до мене, а одинъ зовсімъ таки бравъ до себе на прáзники.

— А мáти жъ вáша, Григорій Михайловичъ, ви до неї й неїздили?

— Зáбувъ вамъ и сказáти, мáти вмёрла, якъ я перейшовъ вь вищí класи. Умíрала и приказувала мені шанувáтись:—шану́йся моя дитíно, кáзала, хотíла бъ бачити тебе великимъ пáномъ, та, мабуть, не доведётця.« Їй поручíла мене тому сáмому дячковí, що привóзивъ до шкóли. Стíльки вже я ёго й бачивъ.

Кінчáючи послíдній классь, я знамíрився піті вь святий Кíевъ, Бóгу помолíтись, угодникамъ ёго поклонíтись, щóбь допомóгли мені—кажучи святимъ словомъ—пíдняти на себé все тяжке брёмья.

— Ви, кáжете, знамíрялись піті вь Кíевъ: буліжъ тамъ? Мені вже двíчі доводилось бувáти.

— Що сь тóго, Опанáсь Михайловичъ, що ви тамъ булі. Звиняйте мені—на галóкъ подивíлись, ще й москалéві за те заплатíли? На печерську дзвіницю сходили за конійку? А що бáчили? Дніпръ ширóкий, та бíльше нічóго; а тамъ колісь люде жили, не такі мёртві, якъ теперъ.

Поверну́вся я изъ Кíева, порá було й клáси покидáти. Знову товариство зібралось попрощáтись вь остáтній разъ. Начáльникъ якусь рíчъ сказáвъ намъ, про те бъ то, якъ попóвати:—пíддержіть, каже, й мене, докажіте усíмъ, якí зъ васъ попí гарні вийшли.« Дóбре—думаю—не посковзну́ся й я. »Смíло вийшовъ я вь свíтъ—давайіте, мовъ, попівство за двинадцатилітню наўку.—Та й не дали, Опанáсь Михайловичъ!!

— Якъ се такъ вийшло, Григорій Михайловичъ?

— Простісінько! нічóго й рóзуму дўже докладáти:—не виисали вь духóвне звáння.

— И пустéлиниця вáшій мáтері збрехáла?

— Эге, збрехáла.

— Щожъ ви теперъ мáете робіти?

— Порайте, Опанась Михайловичъ.

— Женились би, кажѹ, взяли бѹ яку наську дівчину, та й жили бѹ, згадуючи старовину...

— Ні вже, сѹго не бѹде. Приглѣдѣвся я до їхъ и у вѹшому селі,—то дѹля бѹ була, якѹ би одружитись зѹ которою: та — ба! Дивлюся я разѹ на однѹ дівчину, та й кажу їй—»пшла бѹ ти за мене зѹмѹжъ? бачѹ—я одинѹкий.—А вона одказує мені: »жартѹєте ви, бильшѹ нѹчого,« та такѹ на мене подивилась, такѹ подивилась... Дѹже чиста и нерѹмна ти для мене,—дѹмаю собі. Оттакѹ-то! я чужий мѹжъ своїми рідними; куди пхѹвся—не прийняли, а тутѹ и приймѹть, та самѹ не йдѹ. Спасибі й мѹтері, та що зѹ того—вона якѹ лѹчче бажала. Усімѹ спасибі, та самѹ я дурний бувѹ—полѹзъ куди не слѹдѹ. Мене зрадили, мене зацурали, отже товѹриші мої живѹть,—ще якѹ живѹть. Духѹвнѹ зроду,—їмѹ и дѹло другѹе. Не тѹхъ вина, що мене вчѹли, може й щѹро вчили, та не свого хлѹбця вчѹли.

Проживѹ я віку, Опанась Михайловичѹ, на вѹшому селі, якѹ небѹдь та й бѹду пхѹтись впередѹ. Рідного села не хѹчу й бѹчати; тамѹ ще, одѹ смѹрти моєї мѹтері, опѹка-якась. Нехѹй мої стѹрші братѹ господарѹють, та бѹтька свого згадѹють, а я бѹду мѹтѹрѹ поминати.«

Отѹ що росказувавѹ мені Григорій Михайловичѹ:—не все ще, каже бѹло вінѹ; бо, казавѹ, багацько слухати, та нѹчого говоритѹ: ори, мѹли, їжѹ, та меншѹ говорі—казала мині покѹйна мати«.

Щѹсь рокѹвѹ сѹ пѹять вінѹ бувѹ у насѹ за вчителя; не те, щобѹ до ѹго усе вѹдавали своїхѹ дѹтей — дякѹ и такѹ трохи не оглѹмѹвѹ; лиха година, каже, его сюди принесла; — а оце примѹромѹ, мій небожѹ, та ще чий хлопець, учатця вѹ ѹго:—тутечки и вся ѹго школа. Вѹдаючи ѹму свого небожа, я запитавѹ ѹго:—А щѹжѹ, Григорій Михайловичѹ, звиняйте, шкода й хлопця бѹ вѹдавати: невірѹю зробите, якѹ самі нѹчѹму не вірете на свѹті.—А самѹ, дивлючися на ѹго, смѹюся.

— Вінѹ и каже мині: »то стара була дурниця; то дуже вже мені допекли; щѹбѹ трохи, то й справдѹ зробився бѹ невірѹю; тепѹрѹ

хвалити Бога, вийшовъ зъ школи—то й ближче до людей и до Бога. Не бійтесь, Опанасъ Михайловичъ.»

— Отже ви вспражки, кажу; а я тільки пожартувавъ. Ви єъ мене гарний чоловікъ, розумний,—долі вамъ Богъ не давъ, та й безъ неї, вертучої, обійдемося.

А небожу ось-що було кажу:—гарно тебе учить Григорій Михайловичъ?

— Гарно.—Розумнимъ хочешъ бути?—Еге,—розумнимъ, такимъ якъ вчитель. — А хотівъ би тамъ вчитись, де Григорій Михайловичъ?—

— Хотівъ би, дядечку.

— Брешешъ, небоже: може ти помилився, не те хотівъ сказати. Козакомъ, мабуть, хочешъ бути? Козакомъ зроблю, а въ ту школу не віддамъ.

Вже й небожъ козакѹе, вже одні кісточки zostались за Григорія Михайловича, а мені єго жаль, крішко жаль. Якъ сєгодні бачу—білявий. чорноусий, въ сівій шапці, усе мовъ объ чимъ гадає. Объ чимъ же ти гадавъ, мій голубе?.. Ти не бувъ винєнъ, що світъ відъ тебе закрили.